

The background is a dark, moody painting of an abandoned interior. A vibrant red door stands on the left, slightly ajar. In the center and to the right are windows with broken panes, through which some light and foliage are visible. The floor is covered in a thick layer of dry, orange-brown straw or hay. The overall color palette is dominated by dark blues, greens, and browns, with the red door providing a stark contrast.

ДЖЕК
КЕТЧАМ

КТО НЕ
СПРЯТАЛСЯ...

Вселенная Стивена Кинга

Джек Кетчам

Кто не спрятался...

«Издательство АСТ»

1984, 1995

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кетчам Д.

Кто не спрятался... / Д. Кетчам — «Издательство АСТ», 1984,
1995 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-146860-6

Провинциальная жизнь кого угодно вгонит в депрессию, а если ты молод, то особенно остро чувствуешь ее изматывающий гнет. Чтобы не сдохнуть от тоски, все средства хороши: воровство в супермаркетах, гонки на угнанных машинах, купание голышом и страшные байки у костра... Однако грань между бездумной проделкой и вседозволенностью тоньше волоса. Только перейди ее — и настанет скорая и кровавая расплата...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-146860-6

© Кетчам Д., 1984, 1995

© Издательство АСТ, 1984, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джек Кетчам

Кто не спрятался...

© Dallas Mayr, 1984, 1995

© Перевод. К. Егорова, 2022

© Перевод. Г. Шокин, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

*Посвящается Роберту Блоху,
за то, что с нами нянчился.*

*Крепко я вцепился в руль, но не могу свернуть.
Грэм Паркер*

Глава 1

Я в знамения не верю, но сдается мне, как нагрянет беда – то почувешь.

Думаете, фигню говорю? Послушайте-ка меня.

Я работал с лесинами два на четыре дюйма. Понадобилось достать одну с самого верху – восьмифутовую. Мы почти разобрали весь штабель, могли уже и к следующему переходить, но те две планки, не усохшие до хруста, чем-то нам тогда приглянулись, и я полез достать одну. Ухватился за нее уже – и тут оборвался трос из стали, схватывавший вместе гору деревяшек, по которой я забирался. Звук был такой, будто хлыст стеганул. Черт возьми, он ведь запросто мне мог башку снести. Но я только равновесие потерял. Ну и пролетел десять футов до бетона, и сверху на меня еще и тяжелые деревянные чушки посыпались.

Ни царапины не заработал.

Повезло.

Начальник склада, конечно, рвал и метал. Говорил, мне туда вообще лезть не следовало. Подумаешь, мол, все так делаю – а подъемник тебе на что? Да такой случай и страховка бы не покрыла. В общем, досталось мне.

С этого все началось. С того, что я чуть не склеил ласты, злостно нарушив технику безопасности.

Ровно на той же неделе я катил на пикапе-шевроле по прибрежной дороге, выжимая под шестьдесят, и тут на съезде меня стал обходить огромный черный бензовоз. Я уступил ему дорогу, но как дорога снова пошла в гору, так эта зараза стала ползти как черепаха. Нанюхавшись выхлопа сполна, я плюнул на все и решил пойти на обгон.

Но водитель бензовозки явно был парень непростой.

Он не собирался меня пропускать. Переехав прерывистую желтую черту, он встал в такую позицию, с которой без труда мог вытолкать меня в кювет. А потом – снова скакнул назад. В одну сторону, в другую сторону. Я видел, как он таращится на меня в зеркало заднего вида и ждет ответного выпада.

Мудак, что с него взять. Чертыхаясь, я ждал, когда он освободит проезд.

На очередном спуске оказалось, что мы оба разогнались до семидесяти, и моему дряхлому пикапу на подобных оборотах приходилось несладко – колеса так и норовили, казалось, слететь. Задержав дыхание, я решил – черт с ним, живешь ты лишь однажды – и добрал до восьмидесяти.

Пикап отчаянно затрясло. Я припомнил, какие дрянные у меня покрышки, побитые временем, почти стертые. Спуск был длинный и крутой, и мы с водилой бензовозки гнали клюв к клюву.

Когда дорога пошла снова в гору, я оторвался-таки от него – весь потный, с трясущимися руками. По сей день вижу, как этот выродок мне ухмыльнулся, когда я его обошел – не столько его самого, сколько эти хищно растянутые губы. Скажу вам, что бензовоз на узкой дороге – убийца, особенно несущийся на еле законных скоростях с разрывом в полтора фута от твоей собственной тачки, преследующий тебя добрую милю.

Это был второй дурной инцидент, под завязку набитый ненужным риском. Смысл мне был связываться с тем дурнем? Подождал бы, пока он отвалит, – и делу край. Ведь даже погода была тогда тихая, ясная, никуда не торопящая.

А по пути домой я наступил в собачий «подарочек». Уже на пути домой, в половине квартала от универмага Хармона.

Ну, в ретроспективе это-то самые пустяки. Выеденного яйца не стоит. Ну да, «подарочек» был на редкость объемный, недавно наваленный. Но я скажу, почему он мне запомнился, как связан со всем прочим. Связь-то простая.

Я шел, не глядя под ноги, не разбирая вообще дороги.

Тоже ведь пустяк, да вот только я так обычно не делаю. Всегда хожу, уперев взгляд в земную твердь. Меня не раз за это попрекали. Мать говорила, что я себе так посажу зрение и заработаю сколиоз. Она, конечно, приукрашивала. Спина до сих пор прямая, глаза – что у твоего орла.

Но, мать его так, я тогда *шел, не разбирая дороги*.

Все это, как говорится, только набор случайностей. Не более и не менее.

Но иногда кажется: за всеми этими разрозненными и разномастными бедами и неурядицами, за всей повседневной шушерой просматривается ход гигантских шестерней того механизма, что за саму жизнь в ответе. И в его передаточных цепях все эти события – уже не просто случайности. Схема неясна, но система работает как часы – поглощает, репродуцирует, расширяется.

И в этой системе – ты сам.

Движимый удачей, шансами – вещами, что существуют вне тебя, но так или иначе влияют на тебя, видоизменяют без возможности отката назад.

Может, лучше вам позабыть про то, что я тут наговорил.

Я человек недалекий, с блуждающими наугад мыслями.

Глава 2

Поначалу она меня только пугала.

Да и *все* они, чего уж там. Вся троица. Для начала, они были богатенькие детишки – та порода, к которой я не привык.

Сразу скажу как на духу – в Америке нет региона упадочнее нашего округа Вашингтон. Экономика здесь в полнейшей жопе – даже у шахтеров в Аппалачских горах, сдается мне, дела идут получше. Все, кого я здесь знаю, еле сводят концы с концами. И тут – троица мажоров разъезжает, то на шикарном ретрошевроле цвета снега (пятьдесят четвертый год выпуска, откидной верх – это была тачка Кейси), то на голубом «Крайслере Ле Бароне» (колеса Стивена), как будто старый замшелый Дэд-Ривер – это какой-нибудь Скарсдейл или Беверли-Хиллс. Что привлекло их к нам, в захолустье штата Мэн, – мне было невдомек. Ладно бы еще разговор шел о Маунт-Дезерт. Но Дэд-Ривер? Я знал, что их предки в Бостоне дружат семьями, и, видно, кто-то предложил податься подальше – вот они и очутились здесь. Хотя, уверен, и самим детишкам было не понять родительских причуд. Ясно было одно – им тут не по душе, и здешняя обстановка нешуточно выводила их из себя.

Оттого-то они меня и перепугали.

Хватало одного взгляда на них, чтобы понять, какие они злые. На Кейси – в особенности. По ее глазам все прекрасно читалось. Казалось, из них что-то норовит выскочить и вцепиться в тебя.

Безрассудство – вот что меня пугало тогда и, увы, пугает сегодня.

И то, что я записываю эту историю, – в какой-то мере тоже безрассудно. Я ведь снова все вспомню, в подробностях, хотя в последнее-то время мне удавалось забывать. Забывать не только сам случай, но и чувства, какие я испытывал к Кейси – и, боюсь, до сих пор испытываю. Уж и не ведаю, что хуже.

Что ж, сейчас вопрос прояснится. Начинаем.

По той заварушке с машиной я узнал, что у Кейси не все дома.

Стоял июнь, дело было в субботу или в воскресенье – что у Рафферти, что у меня выдался выходной. Жара палила совершенно не подходящая сезону. Купив у Хармона шесть банок пива, мы двинули на пляж.

В Дэд-Ривер нормальный песчаный бережок только один. В остальном же – или камни, или галька, или скалы, нависшие над морем на высоте футов этак в тридцать. В жаркие деньки туда стекаются все твои знакомые. И, так как денек был не то второй, не то третий из всех хороших в том году, Кейси тоже там оказалась. Далеко позади нас, у самых скальных навесов, собралась вся троица.

И поначалу нам до них не было почти никакого дела. Внимание Рафферти куда больше занимала Лидия Дэвис, растянувшаяся на полотенце в паре шагов от нас, а я положил глаз на парочку туристов. Налетавший с моря бриз доносил до нас звуки переносного радио, которое девчонки притащили с собой. Пляж вообще был довольно оживленным в тот день, так что нам с Рафферти было на что поглазеть.

А потом она прошла совсем рядом – с явным намерением окунуться. Лишь по касательной я задел взглядом ее лицо.

Вода, ясное дело, была еще слишком холодная. Даже бесстрашная мелюзга в нее не совалась. Мало кто купался здесь до конца июля – августа. На моих глазах она содрогнулась и отпрянула, когда первая волна хлестнула ее по ногам. Черный раздельный купальник девушки мало что оставлял воображению, и она где-то уже успела подхватить вполне равномерный загар. Со своего места я видел, как она вся пошла гусиной кожей от «знакомства» со здешней водичкой.

И все же – она сделала шаг вперед, и волна обняла ее икры.

Рафферти, как оказалось, тоже за ней приглядывал.

– Задница велика, а ума ни на грош, – прокомментировал он.

– А по-моему, девчонка – огонь.

– Твоя правда.

Под нашим чутким бдением она нырнула в воду – резво и точно, совсем как профессиональная ныряльщица. Вынырнула лицом к нам, отплеываясь, – длинные темные волосы, растущие над высоким лбом «вдовьим козырьком»¹, стелились за ее спиной подобно мокрому хвосту.

Я мигом смекнул, что она не из местных.

Ее лицо – столь открытое, сильное и лучащееся здоровьем, – никак не могло принадлежать человеку, всю жизнь (или хотя бы солидную ее часть) торчавшему в Дэд-Ривер. Всех здешних можно было поделить разве что на две разновидности – чахлые и пригнутые к земле, как с трудом пробившие скалистую почву березы на морских утесах, и длинные-тонкие, вьюноподобные, удушающе висящие на шеях у березовидных – ну совсем как мы с Рафферти. В общем, здесь чужака видно сразу и издалека.

Но такую девчонку даже и при любых других слагаемых попробуй не заметишь – фигуристая, породистая, полная юной силы. С такой кожей, о какой большинство ее сверстниц только мечтает. У нее был звонкий смех и удаль бывалой пловчихи – ведь такую холодную воду не каждый тюлень выдержит.

Ее глаза заслуживали отдельного описания. Они были такого бледно-бледно голубого оттенка, что поначалу в них вообще было трудно разглядеть какой-либо цвет. *Рыбы зенки*, как сказал бы мой говноглазый папаша. Бездонные. Как цвет моря, когда песок коралловый, а вода спокойная и мелкая. Отражающие свет, а не поглощающие его.

И все же, как у нее выходило справляться с этакой холодрыгой? Я смотрел, как она выплывает пирует в ореоле ледяных брызг – и вновь поворачивается к нам лицом. Волна захлестнула ее до плеч, укрыла подобно мантии – одни только шея да голова остались видны. Содрогнувшись, она закусила губу, захлопала голубыми глазами. Хотя я и валялся на солнцепеке, кости у меня заломило при одном только виде этой сцены.

Говорят, что в холодной воде можно словить что-то вроде оргазма. Если ты, конечно, преодолеешь изначальную боль. По ее гримасам я понимал, что она пока ничего не преодолела.

Когда девчонка вылезла из воды, по ее отменной коже потекли ручейки – от мышцы к мышце, от жилы к жиле. Намокший купальник рассказал о ее устройстве все – утаив разве что цвет волос на лобке. Но в первую очередь становилось ясно – силы ей не занимать.

Она прошла совсем рядом со мной. А я все пялился. Ее глаза блестели и все время пребывали в каком-то движении. Наверное, заметила-таки меня. Подойдя к своей компашке, она о чем-то заговорила, уперев руки в бока. Возможно, я выдавал желаемое за действительное.

Уж точно ее внимание не мог привлечь старина Рафферти. На него ведь и девчонки рангом пожиже не обращали внимания. Ему стукнуло двадцать, но рожа его до сих пор цвела подростковой угреватостью, руки – вечно заляпаны моторным маслом, у носа – первые красные прожилки от регулярных возлияний. Я-то тоже не модельной внешности парняга, но хоть без проблем с прыщами, в хорошей форме и без этой безысходной мглы во взгляде – а мне еще восемнадцать. Так что, может статься...

Может быть, она-таки заметила меня.

Мысль раздухаряла мое эго, и в горле от возбуждения встал ком; я пригубил пива, но даже так – не смог избавиться от него.

¹ Так в Англии и Америке называется линия роста волос в форме английской буквы V, проходящая на переднюю часть шляпки, которую раньше носили женщины в Англии после смерти мужа. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

* * *

Сидеть пассивно в такой ситуации – не дело. Меня уже так и подмывало подойти к ней и без зазрения, в самом наглом порядке завладеть ее вниманием. Но в таких делах я вообще-то не то чтобы сильно хорош.

Все-таки мы с ней играли в очень уж разных лигах.

Я батрачил на лесопилке – продавал доски, фанеру и древесные заготовки оптовикам и местным умельцам-доморощинедам. Планы на колледж отодвинулись в дальние закрома – и с моей-то жаждой знаний могли так там и остаться. Я читал много и охотно, имел окейские оценки по всем предметам, но от зубрилова устал ничуть не меньше, чем от Дэд-Ривер. В конечном счете все бы поменялось – но в ту пору меня вполне устраивали три с половиной доллара за час работы и милая миниатюрная официанточка Лиза Джин в качестве подружки (кстати, после того дня я про нее и думать забыл, ни разу даже не погуляли вместе больше. Извини, Лиза Джин).

Так или иначе, просиживать в бездействии было неинтересно, но я все равно проторчал на пляже еще час, надеясь, что девчонка та снова сойдет к воде. Она не стала. Пока суть да дело, Рафферти сумел разболтаться с Лидией Дэвис.

Когда в городе объявлялись приезжие, Лидия становилась куда сговорчивее – но в мертвый сезон вновь примеряла на себя корону главной красавицы здешней дыры. Можно было увиваться за ней всячески, угождать и сорить деньгами – и ни доброго словечка, ни улыбочки в ответ не получить. Но как только объявлялась тут конкуренция, Лидия сразу делалась гораздо более милой особой.

Так что Рафферти, этого кривоzubого пса, я никак не мог сейчас оттащить от этой медоточивой сученьки. Не стоило и пытаться, серьезно.

В тот день мы приехали на его тачке, но я решил, что обратного пути ради могу словить попутку на прибрежной дороге. Собрав все свое барахлишко, я влез ногами в джинсы и кеды и зашагал по пляжу к стежке-дорожке, идущей прямо по скалам.

Конечно же, я прошел неподалеку от интересовавшей меня компашки. Всех разглядел получше. Первый – высокий стройный парень-брюнет со смуглой кожей и идеально прямым заостренным носом. С ним – вторая девчонка, симпатичная зеленоглазая блондинка, на мой вкус немного полновата, но все еще вдувательная, пользуясь низким лексиконом Рафферти. Она явно самая младшая в компании, почти школьница. На ней лимонно-желтый купальничек.

А вот полотенце первой девчонки пустовало.

Одолевая подъем, я то и дело оглядывался на пляж. Что-то ее было нигде не видеть. Когда от тропы остались жалких десять шагов, я снова повернулся оценить ситуацию. Не видеть!

– Да тут я, наверху, – раздался вдруг голос.

Клянусь, еще немного – и я покатылся бы вниз кубарем. Костей бы потом точно не собрал.

Прямота сказанного обескураживала – как будто было *так уж* очевидно, что я искал именно ее. Как будто она просто *знала*. Повернувшись, я увидел, как она нависает надо мной, и, возможно, немного покраснел, потому что девчонка тут же улыбнулась.

Я взобрался наконец наверх. Уставился под ноги – и не потому, что это мне было необходимо; повторюсь, просто привычка такая. Хотя, вынужден сказать, на нее прямо смотреть было непросто: так много обнаженной натуры вблизи мне, увы, редко перепадало наблюдать. А ей явно хоть бы хны – она держалась уверенно, ей не чинила дискомфорта нагота, ни дать ни взять – какая-нибудь островная дикарка.

Но дикарский образ жизни сопряжен с невинной непосредственностью, как правило, а в ней вот... нет, в ней определенно была некая сознательная бесстыдная чувственность; нечто весьма далекое от какой бы то ни было невинности. Да одна ее поза указывала на то, что себя

она выставляет напоказ. Прогнувшись в пояснице и предоставив хороший вид на бедра, незнакомка взмахнула своим бело-зеленым полотенцем, вытряхивая песок.

Бриз давным-давно унялся. Солнце наделяло ее темные волосы красновато-коричневым оттенком.

Как-то раз после всего случившегося мне довелось побывать на Карибском море. Ближе к концу дня оно сверкало в лучах заходящего солнца, обретая ярко-голубой пронзительный цвет. В сумерках он заметно серел, а ближе к ночи темнел практически до черноты. Глаза девушки были именно такими – цвета темнейшего часа ночи. В эти бездны я провалился мигом, не найдя, за что зацепиться, вовсе без шанса спастись. Тут же назрел вопрос, сколько ей может быть лет.

– П-привет, – кажется, промямлил я.

– Эй, ты же меня выглядывал, да? – В ее голосе не было и капли игривости. Даже о простой девчачьей иронии речи не шло.

– Тебя. А ты как догадалась?

Она улыбнулась. И ничего не ответила. Пришлось смотреть на нее прямо – и снова по глазам резанула нагота, легкодоступность ее тела. Она снова встряхнула полотенце – на песок упала смятая сорванная ромашка. Повернувшись, незнакомка направилась к темно-зеленому «мерседесу», запаркованному между стареньким «доджем» Рафферти и белым «корветом».

– Подбросишь до дома?

– Не вопрос.

Она с готовностью запрыгнула на пассажирское, я обошел машину и сел за руль. Ключ уже торчал в замке зажигания, и мне оставалось лишь повернуть его.

– Куда отправляемся?

– Седьмой дом на Уиллоуби. Сможешь найти?

– Без проблем! Летняя резиденция?

– Ага.

– А чего голос такой грустный?

– У тебя бы на моем месте еще не такой был. Меня предки сдернули прямо с учебы, позвонили – сказали, что подыскали на лето «чудное местечко». Приезжаю – а тут нате вам. Пока сюда едешь, все усыхает – деревья, дома, кусты. Прямо даже и не знаю, сама-то я не ссохлась от вашей местной тоски. Скучный городишко.

– Нашла кому рассказывать.

– Ты учишься?

– Не-а. – Я вырулил на дорогу. Никогда не чувствовал ни малейшей вины из-за того, что не пошел в колледж. И сейчас не чувствую, но тогда, с ней, меня почти что проняло. – А ты? – Что и говорить, собеседник из меня божественный.

– Я же сказала только что – с учебы сдернули. Пайн-Манор, Честнат-Хилл. Год дотянуть осталось. Стив учится в Гарварде, Кимберли – со мной, только на год младше. У нее профиль – французский язык, а у меня – антропология. На будущий семестр у меня намечены полевые исследования. Не знаю, смогу ли себя заставить.

– Ну сама-то как думаешь?

– Да заставлю, куда денусь. Почему бы и нет. Тебе не скучно?

– А?..

– Не скучаешь тут, спрашиваю?

– А, да, частенько.

– И что с этим делаешь?

– Ты про работу спрашиваешь?

– Нет, про то, как ты гонишь скуку.

– Ну... по-разному гоню. На пляж частенько хожу, вот.

– Ясное дело.

Дорога петляла и вихляла, умудряясь оставаться строго узкоколейной, но я ее знал как свои пять пальцев – мог и с закрытыми глазами проехать при вящей надобности. Эта подкожанность позволяла мне не сводить с девчонки глаз. У нее на плече остался налипший песок. Захотелось отряхнуть – как повод прикоснуться к ней. Она сидела очень низко на сиденье. Нет, ну в какой же форме девчонка! Ни единого излишества, ни намека на рыхлость. От нее чуть веяло сыростью – потом и морской водой.

– Твоя машина? – спросил я. – Катится как по маслицу.

– Не моя.

– А чья, отцовская?

– Мимо.

– Тогда?..

Она пожала плечами, как бы сообщая, что разницы нет.

– А ты коренной? Прожил тут всю жизнь, да?

– Не только я, но и мой батя в довесок.

– И как ощущения?

– Не особо.

– Так чего ж ты здесь торчишь?

– По привычке, наверное. Нет повода стронуться с насиженного места.

– То есть тебе всякие-разные поводы подавай.

– Никогда не задумывался, честно. Не знаю.

– А ты подумай. Прикинь, повод сейчас будет? Тебе бы хотелось?

– Прямо сейчас и подумать?

– Ты торопишься куда-то, что ль?

– Нет...

Я углубился в думы. Вопрос дюже странный, еще и прилетевший неожиданно-негаданно. А какой, собственно, *ее* интерес во всем этом – или так она всего лишь поддерживает формальный разговор?

– Знаешь, наверное, хотелось бы.

– Класс.

– В смысле?

– Ты миленький.

– М-м-м?..

– Не хотелось бы, чтоб ты оказался вдобавок идиотом.

С ответом я не нашелся. Дорога продолжала петлять. Девчонка глазела за окно, солнце снаружи потихоньку садилось. В ее волосах просматривались ярко-рыжие пряди. Линия от шеи до плеча проходила очень плавно, весьма изящно.

Мы были уже на въезде в город. Уиллоуби располагалась на окраине, и это был единственный район, о котором здесь худо-бедно можно было сказать «лучше застроен, чем остальные».

– Вот здесь притормози.

– Так ты не идешь домой?

Она усмехнулась:

– Не в таком же виде. Давай, стопори.

Я подумал, что она не хотела показываться перед предками строгих нравов в таком откровенном купальнике, поэтому послушно свернул на обочину и вырубил мотор. Потянулся к ключам.

– Оставь. – Открыв дверь, она ступила наружу.

– Ого, а как с машиной быть?

Девчонка уже шагала прочь. Хлопнув дверью, я нагнал ее.

– Да пусть здесь и стоит.

– С ключами в замке?

– Ну да.

Тут до меня кое-что начало доходить.

– Может, хоть скажешь, как тебя звать? Чтоб я знал, куда посылать, когда меня к стенке жать начнут.

Она захихикала.

– Кейси Симпсон Уайт. Живу в доме номер семь по Уиллоуби-Лейн. И это будет мое первое правонарушение. А ты у нас кто?

– Дэн Томас.

– Попадался раньше на горячем?

– Вообще, было дело.

– Ого, и какое же?

– Думаю, мне тогда было лет пять. Я и еще один пацан подожгли лужайку жидкостью для заправки зажигалок. Такие дела.

– И это все?

– Если и есть еще что-то – все еще не настолько круто, как тачку угнать. Ты-то уж точно не впечатлишься.

Я сграбастал ее за руку. Во мне по-прежнему кипел адреналин, я ничего не мог с собой поделать. Угонять машины прежде мне не доводилось, нервишки мои, ясное дело, расшалились. Кожа Кейси оказалась мягкой и гладкой. И она не стала вырываться.

– У тебя все в порядке, эй? – окликнул я.

Она застыла и уставилась мне прямо в глаза.

– купи мне выпить – и сам попробуй разберись.

Пришла моя очередь насмехаться:

– А, так ты еще не доросла до таких штук. Так получается?

– Так точно.

– Ладно, считай, я этого не слышал. И... погнали!

Глава 3

Вот что за случай был у нас с машиной. И вот когда Кейси впервые меня напугала. Вообще-то, мне понравилось.

Вот она, думал я, бунтарка, которой плевать на наши правила – она их, поди, и не знает. За двадцать лет жизни в Дэд-Ривер я правилами был сыт по горло. Они стесняли, пригвождали к месту – и детей на пороге взрослости, и взрослых, горбятящихся на работе ради новых детей, жен, автокредита, ипотеки, – и никому пока не удавалось эту хватку стряхнуть. Такое было Первое Правило: не вороти-ка нос – все равно не отвертишься. На примере своих родителей я пронаблюдал его в действии. Правило утверждало: нога твоя в капкане, да только ты добровольно ее туда сунул – теперь не рыпайся, сиди смирно, как и положено жертве. Деньги здесь всегда были проблемой. Стоило экономике чуть-чуть покоробиться, как нас тут же – все местное сообщество – окатывало полноценной кризисной волной. Мы вечно балансируем где-то над Небытием; стоит цене на рыбу в Бостоне скакнуть, как весь наш городок выстраивается в очередь у банка, снимая последние гроши.

Потрясения могли бы закалить нас... да только где уж там. Лишь плечи еще больше поникали, лишь морщины проступали быстрее. Горькая старость – ничего иного не оставалось.

Я оставил родительский дом три года назад, когда понял, что мне слишком тяжело видеть отца возвращающимся с очередного сезона сардинного лова в заливе Пасамакуодди без денег и с опустошенным видом. Больно было смотреть и на то, как ветшает помаленьку материн дом. Предки были славными людьми, но в то же время глупыми, и все, что я мог дать им, – недовольство. Куда это годится?

Раньше я даже не выкупал, с чего так бешусь, но понимал при этом, что моя злоба – бесплодная хрень. Так что я нашел работу на лесопилке и скромненькое двухкомнатное жилье над хозяйственным магазином Броуди в центре города. Дома я объявлялся только по настроению, то есть – исчезающе редко.

Время от времени я гадал, по какой причине не смотал отсюда удочки с концами. Но перед Кейси я душой не покривил – привык, и все тут. Житье-бытье без особого смысла порождает столь же бессмысленные решения, а порой и вовсе заводит в тупики. Я был лентяем. Деморализованным лентяем. Собственно, я и не был никогда кем-то другим.

Но вот явилась Кейси.

Неописуемо классная, которой все наши проблемы до лампочки, – чего еще желать? Из меня бунтовщик не вышел бы – слишком плотно я припал к городским корням. Нужно было либо самому являться закоренелым отщепенцем, либо иметь такового под рукой – в качестве примера для подражания. Кого-то ни капельки не озабоченного вопросами репутации, чей отец не ходит в один паб с мэром и всеми полицейскими этого городишки, кого-то *непричастного*.

Даже если бы во мне не говорило столь сильно плотское влечение к Кейси, я б все равно следовал за ней.

А оно говорило, еще как. Сидя в баре в тот день, я ни о чем другом, кроме нее, не думал и никого другого не хотел. Все остальное сразу стало казаться мне мелочным, незначительным. Да, всего лишь половое влечение, но какое сильное.

Должен признаться, она заставила меня пройти через много таких вещей, которых я до встречи с ней избегал. И во мне нет ни капли раскаяния, верите ли? Ни за одну проведенную с ней минутку не стыдно. Не было желания оглянуться и обмозговать все еще раз.

Даже сегодня я не жалею ни о чем.

Ну... может быть, о чем-то все-таки жалею немного.

Потому что – чистый ужас.

Лучше сразу перейти к главному, не растекаться мыслью по древу и подать все так, как оно и было. Иначе смысл будет потерян для стороннего читателя, а он ведь есть – я точно знаю. Произошедшее со мной, согласно этому смыслу, – почти что неизбежно, иначе и быть не могло, ведь сошлись и нужные люди – Кейси и я, и нужное место – сонное захолустье Дэд-Ривер. Связать все концы воедино сложно, но мне придется. И тогда, пожалуй, можно будет спокойно жить дальше.

Дом семьи Крауч.

Эта тема возникла между нами рано, а потом, я думаю, просто незаметно повисла на кромке памяти Кейси, как паутина на чердаке, полном старых игрушек.

Жаль, что паука-то я и не приметил.

Мы сидели у питьевого фонтанчика в универмаге Хармона. Стивен нам все мозги проел тем, как ему хочется разжиться шоколадным шейком. В конце концов нам надоело, что он скрипит зубами и шипит на нас, как будто ему жуть как нужно было в туалет, а мы загородили проход. Так что мы отправились к Хармону – а это единственное место, где такую фигню, как шейк, в принципе могли сделать, – и там Стив полчаса втолковывал хозяйке, что ему вообще нужно: шоколадный сироп плюс молоко плюс сельтерская. Переговоры у них выходили не особо успешные.

Как обычно, мы болтали о том, какая же смертная скука кругом царит и как же нам, бедным, нечего делать, и я тут припомнил дом Краучей и один тамошний случай, имевший место в моем детстве.

Быть может, вы уже знаете о нем из старых бостонских газет. В «Глоуб» о нем точно была статья, мы с Рафферти хранили пожелтевшие от времени вырезки. В Дэд-Ривер, чтобы вы понимали, дефицит скандальных происшествий, вот мы и уцепились за эту историю. В дом вломились копы и активисты Американского общества по предотвращению жестокого обращения с животными – когда Мэри и Бен исчезли. А потом мистер Хармон и шериф Питерс свидетельствовали в суде. А потом какое-то время к нам сюда специально приезжали чокнутые типы – просто чтобы поглазеть на дом, хотя глазеть-то было особо не на что.

Все, что представляло их вниманию, – старый, ветхий двухэтажный дом на авеню Гомера Уинслоу (узком грунтовом проспекте на окраине города, идущем вплоть до самого берега моря). Дом стоял на участке земли в три акра, передний двор и роща за ним давно слились воедино и взбирались по сломанной лестнице к серой, обветшалой входной двери – сорняками, выюнами, ползучей порослью. Ну а позади дома узкая полоска земли спускалась к краю утеса, под которым плескался океан.

Бен и Мэри Крауч сгинули в сыром нутре этого дома задолго до того, как я смог бы увидеть их вживую. Но слухи не могли не дойти до меня. Родительские разговоры всегда наводили на мысль, что с Беном и Мэри «что-то не так». Больше этих туманных намеков наши предки при детях себе не позволяли, но нам и этого с лихвой хватало. Дальше мы упражняли фантазию – наверное, они детей едят, или спят в гробах, обитых человеческой кожей, или они живые мертвецы, упыри, дети ведьмы.

Обычное дело.

Однажды, когда мне было десять, трое из нас набрались смелости обежать дом сзади и пошарить у мусорных баков. Оказалось, Краучи живут, питаются лишь консервами. Банки, банки, банки – от фруктов, от гороха, от тушенки и рыбного паштета. Причем вид у этих банок был такой, будто их досуха вылизали изнутри. Не упомяну, почему эта странная чистота так пугала нас. Была, видно, причина. А еще неподалеку громоздилась башня из собачьей еды, тоже консервированной – коробок пять, да еще и здоровенных.

Все знали, что Краучи держали собак, хотя сколько их было – оставалось только догадываться. Вряд ли дело ограничивалось двумя-тремя. Вокруг их дома вечно витал дух псарни, смрад немытой шерсти и собачьего дерьма, улавливаемый за несколько ярдов. Но соседей,

которые могли бы пожаловаться, не было здесь в радиусе многих миль. Один только лес низкорослых сосен и ежевики, из которого дом, казалось, поднимался, как из спутанного зеленого облака, наползающего с морской стороны.

Покончив с инспекцией мусорных баков, мы заглянули в подвальное окно. Темень за ним царила такая, что ничего и не разглядишь. Но Джимми Берд клялся, что видел, как что-то качалось и двигалось в черноте. Спорить мы с ним не стали – и благополучно дали деру. Как если бы придуманные нами байки были правдой. Как если б за нами черти от дома того гнались.

И я чувю, как у меня встают дыбом волосы, когда я пишу это – вспоминая, что чувствовал в тот день. Потому что, возможно, в каком-то смысле мы с парнями были правы.

А вот как дело осветили газеты. Полагаю, мне стукнуло где-то тринадцать, когда полиция решила-таки проверить тот дом. В управление позвонил посыльный из универмага Хармона – малый сторожился после того, как купленные Краучами консервы целый месяц проторчали, неостребованные, на крыльце, а деньги за его работу так и не появились в почтовом ящике, где Краучи их обычно оставляли ему.

Двое полицейских отперли входную дверь, подсобив себе ломом, и одному из них чуть не оттяпали руку с ходу. Дело в том, что за дверью оказались двадцать три псины. И все они прямо-таки помирали с голоду.

Дом опечатали, послали за подкреплением. На следующий день у местечка того толпилось полгорода, ну и мы с Рафферти, конечно, приперлись – не упускать же такое шоу. Шестеро полицейских и Джим Гарднер, грустный старый пьянчуга-ветеринар, а с ними – шестеро-семеро представителей от филиала Американского общества по предотвращению жестокого обращения с животными, что в Мачиасе, выряженных в белые халаты, – взялись вываливать целые мешки сухих собачьих погрызушек в дом через пробитое в переднем кухонном окне отверстие. Сделав дело, они отошли в сторонку – дожидаться, когда стихнут чавканье, вой, рычание и хруст, порядком действовавшие собравшимся зевакам на нервы.

Затем, когда снова стало тихо, команда храбрых двинулась вперед с сетями и электрошоковыми пистолетами. И я впервые заглянул внутрь этого места.

Как Краучи там жили – до сих пор в толк не возьму. Когда-то их дом явно мог сделать честь любому хозяину. Помню, мне сказали, что его построили лет сто назад – и на совесть ведь, из кедрового и дубового бруса. Полоток был сложен из планок, обтесанных вручную, а резные деревянные двери выглядели шикарно – ну, вернее, выглядели бы, не будь перемазаны хрен знает чем. В остальном внутри нашим глазам предстал тот еще трындец – полы все в собачьей дрисне и вонючих лужах, штабеля старых пожелтевших газет чуть ли не до потолка, помеченные со всех сторон и заплесневевшие от влаги. Диван и мягкое хозяйское кресло были разорваны в клочья, набивка усеивала все кругом. Дверца холодильника висела на одной петле, за ней – ничего, пусто. Мебель была вся в погрызах и отметилах от собачьих когтей.

Делегация местной мелюзги столпилась в сторонке от входной двери. Все мы зажимали носы – такая дикая стояла вонь. На наших глазах собак выводили одну за другой и запирали в специально пригнанном фургоне. Многих пришлось выносить – настолько они ослабли и отощали. Наевшись, все они стали довольно-таки послушными – может, им туда какого-нибудь усмирина подсыпали. Помню, многие из них выглядели какими-то сбитыми с толку, ошеломленными. И до жути тощими.

Я отвернулся, когда выволокли мертвых животных. Их оказалось немного – всего четверо. Один щенок, один породистый доберман и пара безродных дворняг. Очевидно, их погрызли другие собаки.

Приехал мой отец. Он был чертовски зол. Заташил меня в машину, а потом просто сидел там, фыркая и покачивая головой. Его лицо становилось все краснее и краснее. Понимая, что он хочет всыпать мне по первое число, я знал, как непросто ему было сдерживаться.

Что ж, я его порядком разочаровал тогда. Ну, не впервой.

Эту историю я поведал своим новым знакомым, пока готовились два шейка. У них, понятное дело, глаза на лоб повылазили.

– Кстати, Бена и Мэри, хозяев, так и не нашли.

– Вообще? – У Стивена была странная привычка тыкать пальцем в человека, которого он о чем-то спрашивал, – так он походил на адвоката, не то оглашающего протест, не то уличающего во лжи. Еще он чуть наклонял при этом голову и из-под темных бровей устремлял на собеседника тяжеловатый взгляд. Да, что и говорить, такому выразительному парню только в адвокатуру, в законники.

– Вообще. Но где-то через неделю появились зацепки. Хотя бы стало ясно, *почему* они исчезли. По городу разнеслась громкая весть о том, что банк выселил их месяцем ранее за неуплату ипотеки. Так что, похоже, какое-то время они просто игнорировали уведомления, а потом, когда Бен Мерфи заявился, чтобы сказать им лично – мол, так и так, придется съехать, – они его послушали, покивали, а как за ним дверь закрылась – смылись в неизвестном направлении.

– Однако ж, ужасно было бросать столько собак без присмотра! – Кимберли отпила из своего стаканчика через длинную полосатую соломинку. – Так жестоко. Как можно приручить животных, а потом так их подставить?

– Люди частенько так поступают, сплошь и рядом, – заметил Стивен.

Кейси наклонилась ко мне.

– А их пробовали искать? Бена и эту его Мэри?

– Еще как. Не знаю, насколько дотошно, впрочем. История с их выселением, казалось, достаточно хорошо объясняла ситуацию, так что не знаю, сильно ли кто-то беспокоился об их участии на самом деле. Но жест с собаками стала поводом для разговоров, куда без этого. И еще – помню, как офигел, когда услышал от маминой подруги, что Бен и Мэри – это брат и сестра, что им всего-то лет за тридцать было. Уж после такого-то отец с матерью спокойно при мне обсуждали все слухи. Все местные ребятишки всегда считали Краучей за дряхлых стариков. Злой дедуган Бен и его карга-жена Мэри, мы думали – а оно вон как оказалось! И вот еще какое дело – они оба выросли в сумасшедшем доме. Буквально. В психиатрической больнице Августы. Они там торчали, пока не стали подростками, а их предки были запойные алкоголики, конкретные такие вырожденцы. Не думаю, что брат и сестра Краучи в принципе имели право хоть о ком-то заботиться. Пусть даже и о собаках.

– Святые мандаринки...

– Ты уверен, что это не слух? – уточнил Стивен, снова грозя мне пальцем и хмурия брови.

– Так все говорили. Если честно, не вижу причин сомневаться.

– Ну и ну.

– А историйка-то – огонь, – протянула Кейси.

– Ну, такая себе. Сойдет для праздной болтовни. Дальше все развивалось довольно скучно. Для дома Краучей наняли бригаду рабочих, они там все отмыли, отделали, весь мусор вынесли. Несколько лет там жил один терапевт-пенсионер с женой. Теперь, пусть даже стариков там больше нет и дом стоит пустой, это просто еще один дом у леса. Никакого повода для экскурсий.

Хотя для местных детишек он стал тем еще развлечением. В последующие за исчезновением Краучей годы для них в Дэд-Ривер появился свой собственный особняк с привидениями. Местечко, куда можно завалиться под Хэллоуин, всласть попугаться. Так продолжалось до заселения старого доктора.

Подростковый фольклор таков, каков он есть. Наши истории о Бене и Мэри стали еще более дикими. Говорили, что они на самом деле умерли, и их призраки напугали рабочих, убравших подвал. Якобы в туманные дождливые ночи можно было услышать, как они зовут

своих собак. В этот Крауч-фольклор я лично вносил посильную лепту – покуда не повзрослел окончательно.

Моя любимая байка объясняла саму пропажу хозяев дома. Согласно ей, не грозило им никакое выселение. Просто с бедными собаками жестоко обращались, и в какой-то момент они так обозлились на Бена и Мэри, что сожрали их. Без остатка, даже кости все сгрызли в труху. Мне такой взгляд на произошедшее был по душе. Возможно, это Рафферти до такого додумался. Наверное, у него из головы тоже не сразу ушли потерянные, огорошенные собачьи глаза – вот он и решил, что песики заслуживают такое поэтическое отмщение.

Глава 4

О Бене и Мэри я рассказал приезжим где-то через два-три дня после того, как меня приняли в компанию. К тому времени мы с Кейси уже подумывали о том, не перейти ли в фазу погорячее.

В первый совместный вечер в баре я изо всех сил старался ограничиваться в ее отношении заинтересованной болтовней и не распускать руки. Я ведь не чурбан какой-то. Есть девушки, на которых можно давить без последствий, но есть ведь и совсем другие. И даже такие, чье расположение зарабатываешь, если относишься к ним без лишних придыханий, – такие, что оценят невозмутимость и зрелость, твою способность прагматично обойтись и без них. Спокойная, уверенная сила – вот что Кейси нравилось в мужчинах. Не нужно было быть гигантом мысли, чтоб уяснить: будешь с ней поспешничать – поспешно отправишься в пеший эротический вояж.

Так что я прятал руки под задницу и старался держаться с ней достойно и легко – да, с интересом к ней как к девушке, но без высунутого языка и слюней до пола.

Домой я все равно вернулся тогда без нее.

В тот же вечер я возвращался из закуской на углу, когда увидел, как трое приезжих пролетают мимо на белом «шевроле». Они смеялись, махали мне руками – но останавливаться ради меня не стали.

Ну вот и все, подумал я с досадой. Наверняка Кейси по итогам посиделок в баре приняла меня за очередного нерешительного «славного парня», который – ни рыба ни мясо. И теперь я – просто дремучее посмешище для ее раскрепощенных городских друзей.

Оказалось, я поспешил с выводами.

На следующий день в обеденный перерыв они лично заехали за мной на склад пиломатериалов при лесопилке. Я как раз перетаскивал штабель досок 4 × 4 дюйма на вилочном погрузчике. Кейси зашла через черный ход; когда я потянулся за другим комплектом досок – я, черт возьми, чуть не снес ей голову подъемными лезвиями. Увидь ее там начальник смены, так близко от меня, – я б потерял работу, не успев сказать «стружка». Заглушив двигатель, я спрыгнул с сиденья вниз.

– Знаешь, за обезглавливание клиентов в этой конторе увольняют.

– Каких клиентов? Я же твоя кузина из Нью-Пельтца² родом. Твоя тетушка – моя мать – одна в доме и, похоже, скоро отдаст Богу душу. Ее последнее желание – увидеть свою сестру и любимого племянника. Так что у тебя сегодня выходной. Все улажено. Мне даже не пришлось никого увещевать.

– Э?..

– Твой босс сказал, что отпускает тебя на денек.

– А ты много на себя берешь, я смотрю.

– Еще как. А ты типа злишься?

По ее тону я понял, что вопрос задан серьезный, без всякой жеманности. Ну, значит, она взаправду хотела знать, что я думаю об ее выходке. Мне такой подход со стороны девчонки сразу понравился – хотя и было такое чувство, что мой ответ, сколь угодно искренний, в любом случае не улучшит и не испортит ее день.

– Вовсе я не злюсь. Ты меня, считай, спасла от всей этой духоты. Погнали.

Мы прошли через контору, и я поблагодарил мистера Макгрегора. Повезло, что он как раз говорил о чем-то с покупателем, – ведь Ким и Стивен торчали прямо у входа, ждали нас

² Небольшой (прибл. 15 тыс. человек населения) город в округе Ольстер, штат Нью-Йорк, США.

в «шевроле» с опущенным верхом. Для родни из Нью-Пельца выглядели они уж слишком палевно.

– Дэн Томас – познакомься: Стивен Линч и Кимберли Пэлмер.

– Лучше просто Ким, – поправила подругу Кимберли. Нервным, вороватым движением она вытерла руку о шорты и протянула мне. Я стиснул в своей ладони ее ладошку – маленькую, сухую, трогательно хрупкую.

Стивен ухмыльнулся мне, кивнул и удостоил немного чересчур крепким рукопожатием. Мы сели в машину – в ней оказалось чуток тесновато для нас всех. Через плечо я оглянулся на Макгрегора.

– Может, побыстрее сковырнемся отсюда? – попросил я.

– Да без проблем. – Стивен охотно дал по газам. Я невольно поморщился. Я представил, как мистер Макгрегор бросается к окну и видит, как четверо пострелов в старинном кабриолете вылетают с его парковки. Впору было подумать, как с ним завтра объясняться, каким манером пригладить перышки.

Чтобы начать нормальный разговор, приходилось перекрикивать вой ветра.

– Куда? – спросил я, чувствуя ухом теплое дыхание Кейси.

– На пляж давай. Но сперва зарулим в «Шоп-энд-Сейв», затаримся кое-чем.

– Уговор!

Стивен врубил радио и сделал его погромче, и всякий разговор стал совсем невозможен. Его длинные худые пальцы отбивали по рулевому колесу ритм. До меня внезапными порывами доносился запах духов Кейси – очень свежий, не из этих удушливо-сладких парфюмов или мускуса. Ким то и дело оглядывалась на нас с переднего сиденья и улыбалась – немного зажато, но зубки у нее были на зависть, слепяще-белые.

Свернув на стоянку «Шоп-энд-Сейв», мы высыпали из машины. Пошарив под водительским сиденьем, Кейси достала зеленую сумку почтальона на длинном ремне и перекинула ее через плечо.

– Принеси нам пару упаковок пива, хорошо, Дэн? Стив, послушай-ка, хоть на этот раз найди крекеры попрличнее, о'кей?

Стивен, улыбаясь, придержал для нас дверь, вздрогнув от порыва холодного воздуха. Я один был одет по температуре. В этих сетевых магазинах вечные нелады с кондиционированием – там хоть трупы храни, не испортятся ведь. Кейси и Ким были одеты в шорты и «верхушки» купальников, на Стиве красовалась гавайская выпендренная рубашка с закатанными рукавами. В своих тонких белых льняных брюках он выглядел преуспевающим, модным и очень-очень холодным типом.

Я отправился за пивом. Пришлось немного порыскать в поисках портера от «Хайнекен», так что к тому времени, как я принес заветную банку и две упаковки «Бада» по шесть штук к кассе, Стивен уже был там впереди меня, расплачивался за две коробки крекеров.

– Увидимся снаружи, – бросил он мне, зябко поводя плечами.

Я расплатился за пиво, и пока мне его упаковывали, увидел Ким. Она встала в очередь за дамой позади меня. Под мышкой она зажала огромный багет и мелкую банку масла. Наградив меня странной, неловкой улыбочкой, она уставилась на что-то у меня за спиной, и я, заинтригованный, обернулся.

Оказалось, Кейси, крадучись, пробирается к двери – судя по виду зеленой почтальонской сумки, она набила ее яблоками, да и на среднего размера арбузик не покупилась.

Я взял свой пакет и вышел. Кейси уже села на заднее сиденье, и Стивен заводил мотор. Я протянул ей пиво, и она посмотрела на меня. Взгляд ее бледно-голубых очей был лукаво-насмешлив.

– Не одобряешь такие выходки?

– Ну, и осуждать – не осуждаю.

- Мы обкрадываем только сетевые магазины.
- Думаю, их страховка покрывает такие дела.
- Да, и еще мы берем только деликатесы. Глянь.

Она высыпала содержимое сумки на сиденье. Две большие банки красной икры, баварские колбаски, паштет из гусиной печени – фуа-гра. И еще – огромный кусок сыра, устрицы и кольца кальмара.

- Да, пир ты нам, смотрю, обеспечила.
- Запросто. Тебя это не коробит?
- А с чего должно?
- Это твой город.
- Но не мой сетевой магазин.

Казалось, она немного расслабилась. Я подумал, не прошел ли я только что с ней какой-то тест. Интересно, скольких еще можно ожидать и со сколькими еще я хотел бы иметь дело? От ее долгих-предолгих оценивающих взглядов мне порой делалось неуютно.

Затем к машине, хихикая, вышла Ким. Она посмотрела на заднее сиденье.

- Хороший улов?
- Лучше не бывает. Запрыгивай.

По тому, каким тоном она это бросила – *запрыгивай!* – мне подумалось, что предназначался призыв скорее мне, нежели Кимберли. Я был принят в компанию. Первый шаг позволил подступиться; второй – и я уже с ними. По хребту у меня поползли мурашки, вызванные незнамо чем – волнением, может быть?..

- Ну что, на пляж? На пляж!..

* * *

- Ты когда-нибудь купался нагишом в этом месте?

Стив гнал на нездоровых семидесяти по узкой извилистой дороге, полагая при этом, что поддерживать беседу, оглядываясь через плечо, – нормальная идея. Я выдвинулся поближе к нему, чтобы этот лихач поменьше отвлекался от дороги.

- Не здесь. На Эхо-Бич, разве что. Ну и в Бар-Харборе есть пара местечек.
- А здесь чего?
- Здесь нудистов копы шугают.

– Вот уроды. На хрен их. – Он снова повернулся глянуть на меня, улыбаясь и хмурясь одновременно. Взгляд у него был все-таки очень тяжелый. *Странный он парень*, подумал я. Как девчонки с ним познакомились? Ему явно не терпелось им пыли в глаза напустить. Пестрые шмотки, быстрая езда. У него еще была странная манера смотреть порой только на Кейси, независимо от того, с кем разговор шел, – будто он искал у нее какого-то поощрения. Он был симпатичный тип – смуглый, с правильными чертами лица, привлекательный этакой креольской красотой – когда лучшие черты от латиноса и белого протестанта-англосакса находят воплощение в одной персоне. Портила его разве что трудноуловимая неуверенность. Мне иной раз казалось, что в каком-то смысле для этой компании он был таким же чужаком, как я сам.

Вполне обоснованным казалось предположить, что он немного западает на Кейси. Так делались понятнее его косые взгляды в ее сторону. Но тогда что Стивен делал в паре с Кимберли? Мелкая явно считала, что у них отношения, вот только он сам явно думал иначе. Время от времени она игриво запускала ему пальчики в волосы на загривке или за ушами, ловила каждое его слово. А он на нее смотрел как на какую-то забавную вещицу, по-хозяйски – не стремясь ответить душевной взаимностью и не выделяя лишнего тепла.

Мне стало интересно, насколько основательна эта его бравада, и я собрался подкинуть ему идеюку искупаться голышом – чисто посмотреть на реакцию. Я знал пляж чуть в стороне

к северу отсюда, где камни были плоские, а волны – ленивые. Там можно было славно поплескаться. Местечко уединенное, не на людском слуху – туда разве что самые оголтелые собиратели ракушек забредали.

– Следующий поворот – направо, – указал я Стиву.

Что и греха таить, я был совсем не прочь взглянуть на реакцию девушек.

Мы свернули на старый грунтовый тракт, после чего проехали с полмили по сельхозугодьям Жилия, затем сбавили скорость – когда дорога пролегла через рощу близко стоящих сосен, где мы с Вэном частенько шныряли в детстве.

Вэн приходился мне старшим братом. Его убили во Вьетнаме, когда мне было тринадцать. Весть о его смерти пришла с фронта всего через двое суток после моего дня рождения – двенадцатого ноября.

Мой отец и мистер Жиль были закадычные друзья, но после смерти Вэна мы больше сюда не приезжали. Может, потому что сын Жилия Билл имел несчастье вернуться с войны целым и невредимым, а Вэн сгорел заживо в вертолете, который был подбит где-то близ военной базы Кхешань. Может, дело просто в ненужных воспоминаниях – так или иначе, мы с отцом повадились сторониться этого места.

Однако лес я запомнил. Он не особо переменялся с тех пор. Лесным трактам требуется много времени для явных преобразований. Камней будто бы стало больше – и только. Нахлынуло абсурдное приятное чувство – сродни ностальгии по дому.

Стивен материл дорогу так сильно, будто колеса принадлежали ему, а не Кейси. Но вскоре тракт раздался вширь и выровнялся, показались знакомая полоса луга и хижина, которую мы повадились называть Плетеной Корзиной. Стив съехал на обочину и припарковался, и мы взяли еду из машины. Кейси первой открыла для себя здешний вид. Я подошел к ней.

– Неплохо, скажи?

– Замечательно.

Мы стояли в тридцати футах над мелководным заливом, за которым лежал необъятный Атлантический океан. Прямо под нами простирался галечный пляж, с валунами и осыпавшимся сланцем.

Когда море было беспокойным, вода поднималась примерно на пятнадцать футов выше того места, где мы сейчас стояли. Ближе к сумеркам очертания бухты принимали совершенно иной вид. Приходя сюда так же редко, как я, не получалось застать это место в неизменном виде даже и дважды.

Я повел своих новых знакомых по тропинке к морю. Подыскав местечко у широкого уступа из сланца, в десяти футах от скалы, мы разложили полотенца и расставили кругом краденую снедь. Я залез на уступ – чайки уже засидели его, как я и предполагал. Они разбивали раковины крабов, моллюсков и устриц о камень, чтобы добраться до мягкого нутра. Весь уступ был усеян крошечными трупами.

Увидев, что Кейси за мной наблюдает, я поманил ее наверх. Она оказалась довольно-таки сносной скалолазкой.

– Погляди, тут у птиц харчевня.

Она наклонилась осмотреть пустой панцирь краба с синими клешнями.

– Они налетают сверху и сбрасывают добычу сюда. Прицел у них неплохой. Обычно им все удается, а если нет – панцири как минимум трескаются. Чайки находят эти трещины и разламывают их вширь своими клювами. Если бы не мы, они и сейчас бы тут хозяйничали. Видишь?

Птицы кружили в серо-голубом небе где-то в четверти мили от нас.

– Ты в этом смыслишь, да?

– В морской биологии? Ну, так, слегка.

– А что еще – твой конек? Давай выкладывай.

Я пожал плечами.

– Да я много в чем разбираюсь, так-то. В пиломатериалах, в резьбе по дереву и отделке. Из писателей мне нравятся Генри Миллер и Достоевский. Если жизнь прижмет, смогу развести костер, имея под рукой лишь пару дощечек. Могу ставить палатки на скорость, знаю Дэд-Ривер и окрестности как свои пять пальцев. Умею варганить довольно сносные омлеты. Обычные такие увлечения...

– А как насчет меня?

– Что – насчет тебя?

– Что ты уже понял, увлекшись мной?

– Ну, о некоторых вещах – могу только догадываться.

– Само собой. А в чем уже уверен?

– Ни в чем.

– Врешь.

Она встала, завела руку за спину, потянула шнурки купального лифа. Сняла его, отбросила в сторону. Скользнув по уступу вниз, он успокоился где-то внизу.

Грудь у нее оказались маленькие, упругие, подтянутые... красивые. Кейси не сводила с меня глаз, в чьей голубизне читался суровый вызов. Не насмешка, о нет. Она немного наклонилась и спустила белые шорты на бедра. Под ними на ней ничего не было. Волосы у нее на лобке оказались редкими, довольно мягкими с виду, светло-золотисто-каштановыми. Кейси наблюдала за мной все это время с уверенной улыбкой.

– Что ж, теперь ты знаешь больше.

– Теперь знаю, – эхом откликнулся я.

Развернувшись, она изящно запрыгала по серому уступу вниз – по-кошачьи проворная, – и вскоре уже стояла рядом со Стивом и Кимберли. Я наблюдал за ней. Глупая ухмылка приклеилась к моему лицу – все никак не получалось ее отодрать. Я любовался воздушной грацией этой девушки. Только и мог, что стоять, смотреть и ждать, пока ступор от зрелища отпустит.

Остальные ребята повывлезали из одежды.

У Кимберли грудь оказалась больше, чем я ожидал, – с крупными сосками, чуть отвисшая, с широким зазором посередине, но и от такой можно было голову потерять. Рыжие волосы густо росли у нее между ног. Для девушки мечты у нее, возможно, были немного чересчур мясистые бедра, но, повторюсь, некрасивой эту зеленоглазую бестию язык не поворачивался назвать.

У Стива болтыра болтался – что у коня на ярмарке.

И он явно ничего не стеснялся.

Иногда у меня сами собой возникают пошлые мысли. Просто заваливаются в голову без приглашения. Вот как сейчас. Мне казалось, что я начал понимать, по какой причине Ким смотрела на этого парня с таким азартом.

Я, само собой, не мог не следить за Кейси.

Она брела по воде, и от холода ее кожа пошла мурашками, совсем как тогда, в день, когда я только-только увидел ее. Мне казалось, я никогда в жизни не увижу ничего более прекрасного. Она посмотрела на меня, и я почувствовал явный безмолвный призыв. К тому времени ухмылка наконец-то отлипла, и я спустился со скалы. В сравнении с ней я казался себе преступно неуклюжим – пускай мышца водится, да вот только умения обращаться с ней никакого.

– Давай ко мне!

– Ты шутишь?

– С чего бы? Подумаешь, холодно немножко.

– Подумаешь, пневмонию схватить можно!

Она осторожно зашла в воду по икры.

– Стив и Кимберли будут полчаса ноги мочить, пока привыкнут. Так что, мне теперь одной, значит, торчать тут?

– Я джинсы намочу.

– Вот чудак, сними их сначала.

– А рубаху?

– И ее снимай. – Кейси рассмеялась.

Что за черт, подумал я, сам ведь предложил всем раздеться, а себе ищу какие-то идиотские оправдания.

Я оставил одежду лежать там, где бросил. Я видел, что Кейси наблюдает за мной, и чувствовал две пары глаз сзади. *Надеюсь, все в порядке*, явилась мысль. Но я никогда не любил выставлять себя напоказ – потому, как только снял шорты, рванул во весь опор к воде. Кейси нырнула прямо передо мной. Последнее, что я увидел – пару стройных ног, врезающихся в воду с подобранными пальцами. У нее получалось нырять легко, без страха и упрека. Мне до такого было расти и расти – едва шлепнувшись в воду, я ощутил нахлынувший со всех сторон шок. Я словно бы сиганул в бочку виски со льдом. Только, уверен, в бочке было бы теплее.

К поверхности я рванулся со зреющим в легких воплем чистой агонии. Рука Кейси сразу же обвила мою талию, и, проморгавшись от брызг, я сграбастал ее – отвечая надсадным хохотом на ее залиvistый смех. Как-то само собой вышло, что мы прижались друг к другу, – и внезапная близость наших тел сделала океан близ нас градусов на пятнадцать горячее.

Ее рука скользнула по моей заднице, и я почувствовал, как у меня встает – прямо в ледяной воде. Мгновением позже я устроился у нее между ног. Теперь ее смех сделался более личным, предназначенным лишь нам двоим. Кейси скрестила ноги ножницами, заманивая меня в ловушку – в маленький горячий капкан плоти. Должно быть, я застонал.

– Не сейчас, – шепнула она мне на ухо, – но может быть, уже скоро.

И тогда-то я впервые поцеловал ее – когда нас обоих обнимала мертвенно-холодная вода. Наверное, именно она и сделала этот поцелуй таким судорожным, будоражащим и... соленым.

Когда мы вышли из воды, Ким одарила нас улыбкой кота, выследившего, куда хозяин спрятал сметану. Пальцы у нее все были в икре. Посмотрев на нас, она развела руки в стороны – ее пышные доечки чуть подпрыгнули – и прокричала:

– Совет да любовь!

Мы все расхохотались.

– Смотрю, ты хорошо проводишь время, чувак? – спрашивал, грозя своим монументальным адвокатским пальцем, Стив.

– Прекрасно. Полный отпад.

Ни о какой любви и речи не шло. Но и того равнодушия, как у Стива и Ким, между мной и Кейси не было. Его место занимало нечто... иное.

Глава 5

Моя фальшивая тетя умирала долго.

Мы ходили на пляж почти каждый день. Всегда – в одно и то же место. Мы всегда уворовывали себе что-нибудь. И флиртовали друг с дружкой исключительно нагишом.

Несмотря на избранный мной курс на терпеливость, изнутри меня то и дело точил невесть откуда приползший червячок сомнений. Я спрашивал себя, не была ли Кейси просто бесчувственной динамщицей. Но было в ней что-то этакое, сильно отличающее от других боевых девиц, – она будто о чем-то непрестанно спрашивала меня без слов, что-то *искала* во мне, искала с куда более серьезными намерениями, чем я мог от нее ожидать.

Поэтому я глушил червячка по-всякому.

Как-то раз мы возвращались с пляжа в город по прибрежной дороге, и на одном из левых отворотов показался старый дом, чей силуэт почти сливался в одно с маячившими вдали утесами в вечернем полумраке. Кейси вела, а мы со Стивеном занимали задние сиденья.

– Вон про тот дом я рассказывал, – обратил я его внимание.

– А, семейки Краучей?

– Ага.

Он повернулся взглянуть. К тому времени мы уже почти проехали мимо. Я смотрел, как волосы Кейси развеваются на ветру. Красивые девушки и спортивные машины – все-таки, как ни крути, одни из лучших примет летней поры.

Отведя взгляд от дома, Стив перехватил узконаправленный вектор моего внимания – и едва заметно насупил. В последнее время он держался со мной как-то подчеркнуто спокойно. Я знал, что дело в ревности, но в то же время – ощущал своего рода бессловесное *принятие*, которого не было поначалу. Будто он уяснил, что я – лишь временное увлечение, а вот он-то будет рядом с ней всегда. Но иной раз этот парняга выглядел таким озабоченным моей персоной, что даже его пестро-бодрая гавайка, казалось, тускнела.

– Ты вроде говорил, что там никто не живет.

– Так и есть, дом заброшенный.

Стив повел плечами:

– Я вообще-то свет видел.

Я обернулся. Дом остался слишком далеко позади; все, что я видел, – мрак.

– Где?

– Наверху. Где-то на втором этаже.

– Да быть такого не может.

– А я говорю, может. Там свет горел. Сто пудов.

На следующий день после работы я пропускал по пиву с Рафферти в баре и решил справиться насчет нынешнего статуса дома у него – старина собирал много сплетен у себя на бензоколонке:

– Скажи-ка, Раф, а в доме Краучей сейчас кто-нибудь живет?

– Ты прикалываешься?

– На серьезных щах спрашиваю, дружище.

– Ну, насколько я знаю – нет.

– Так я и думал.

– А чего спрашиваешь? Туда перебраться решил, что ль?

Ухмылка Рафферти на этом вопросе сделалась несколько вымученной. Он-то хорошо помнил, что команда зооактивистов обнаружила внутри.

– Я с ребятами проезжал мимо него прошлой ночью. Стив сказал, что видел там горящий свет.

– Где?

– В окне второго этажа.

– Да ни хрена он не видел, – довольно-таки агрессивно бросил Рафферти. Я, похоже, и в этом сельском увальне пробудил ревность. Может, он офигевал от того внимания, что уделяла мне Кейси. А может, уже подозревал меня – и подозревал крайне преждевременно – в том, о чем я покамест серьезно не думал: в намерении сбежать из Дэд-Ривер. Я свел своих новых знакомых с ним, но Раф показался им скучным. Я о том не особо переживал – компания уже сформировалась. Я, Кейси, Стив и Ким – два парня, две девчонки; старине Рафферти просто не было места.

– Будь там кто-то живой, я бы знал, Дэн. Они бы заправлялись на станции. Так что Стив твой просто в глаза долбит. – Сказанное, как Раф думал, должно было разрядить обстановку, и я подыграл ему:

– Твоя правда, старичок.

Мы прихлебывали пиво, и мой друг поглядывал на старые часы с эмблемой «Пабст Блю Риббон», висящие над барной стойкой. Его губы тронула усмешка.

– А знаешь, возможно, туда просто шпана какая-то забралась. Вот об этом я бы никак не прознал.

– И кому бы приспичило в здравом уме залезть в клоаку Краучей? – стал урезонивать его я.

– Мне-то почем знать?

Впрочем, мы с Рафферти – полезли бы. Нам этого даже хотелось, да только мандраж был слишком силен. Нам удалось тогда порыскать у мусорных баков и даже заглянуть в подвальное окно... но потом кретин Джимми Берд спугнул нас, и мы дали деру. Может, детвора сейчас посмелее. Воспоминание о том случае снова сплотило нас.

– Для такого надобно быть наглухо отбитым, – заметил Рафферти.

– Наглухо – не то слово.

Он залил в себя последние остатки пива – и добавил:

– Впрочем, кто его знает...

Глава 6

На работе выдался поистине ужасный день. Слишком жарко. Покупателям несладко приходилось – чего уж говорить обо мне. Все мои мысли крутились вокруг пляжа, вокруг упругого живота Кейси, охотно схватывающего загар. Покоя от этих дум я не ведал, но хоть как-то держался на плаву в смену.

Дома я принял душ и побрился, выпил чашку кофе и умял купленный на вынос в «Сахарном уголке», местной кафешке, бургер. Оделся, собрался, вышел на улицу. Старый черный пикап, проржавевший и скрипучий, выжидал меня у бровки тротуара через дорогу. Я доехал до дома Кейси, припарковался неподалеку.

Большеват он оказался – для трех-то жильцов. Интересно, мама Кейси сама с ним управлялась? Найти домработницу в Дэд-Ривер – плевое дело, да еще и не самое дорогое, тут ведь не Голливудские холмы.

Я взошел по ступенькам на свежевыкрашенное белое крыльцо и позвонил в звонок. В гостиной горел свет. Я услышал чей-то глубокий вздох, а за ним – звуки неторопливых шагов из коридора.

И вот дверь отворил отец Кейси.

Он оказался мужиком внушительных габаритов, широченным в плечах, под метр девяносто ростом. Для своих предположительных пятидесяти с небольшим форму он сохранил прямо-таки завидную – но в русой шевелюре уже пробивалась седина, а глаза, оказавшиеся на уровне на дюйм-другой выше моей макушки, от мира отгораживали строгие очки в роговой оправе черного цвета. Выглядел отец моей зазнобы довольно-таки усталым, да и цвет кожи, если приглядеться, отдавал нездоровой серостью. Он сонно, будто филин, моргнул, рассматривая меня через приоткрытую дверь, – радужки, где-то на одну четвертую тона темнее лазурных очей Кейси, сверкнули в полумраке коридора.

– Чем обязан?

Я протянул ему руку:

– Дэн Томас, мистер Уайт. Меня ждет Кейси.

Он, выглядя немного сбитым с толку, рассеянно пожал мне руку. Я задался вопросом, а не заработал ли он себе плохую кожу выпивкой.

– А, вот как. Ну, заходи.

Он отошел в сторону и приоткрыл дверь пошире. Я зашел. Внутри дом был красив на диво. Гораздо лучше здешней среднестатистической летней резиденции. Мебель тут была в основном антикварная – пусть и не лучших марок, но в хорошем состоянии. Вся деревянная отделка блестела так, будто ее недавно отполировали; один угол целиком занимало роскошное шведское бюро.

– Ке-е-ей-си! – окликнул отец, выглянув в лестничный пролет.

– Иду-иду! – донесся издали поспешный ответ.

Садиться ни один из нас не стал. Да и болтовня как-то не заладилась. Видно, до моего прихода он читал газету – скрученная в трубку, она была зажата у него в массивном кулаке. Болеет он или нет – раздражать его попусту я сейчас не хотел.

Кейси упоминала, что он – банкир, но представить этого типа сгорбившимся за письменным столом и подбивающим циферки было непросто. Если б не дурной тон кожи, я бы заподозрил в нем кого-то из сферы физического труда на открытом воздухе. Интересно, где он так подкачал плечи? Осмотревшись немного, я заметил на стене над бюро большое фото в рамке – и все понял.

Перехватив мой взгляд, он улыбнулся.

– Йельский клуб рестлинга, тысяча девятьсот тридцать восьмой год. Вон в том ряду крайний слева – я. Двенадцать побед, всего два поражения.

– Ого, круто.

Вздохнув, он сел в большое мягкое кресло у камина. В его ровном баритоне не было энтузиазма – он звучал глухо, мертво. Да и взгляд у него был потухший – как если бы из глаз Кейси вытянули всякую оживленность и отняли бы даже ту чуть волнующую непонятную глубину, каковую я находил такой привлекательной. Его глаза напоминали стеклянные протезы. Возможно, он взаправду очень серьезно болеет, если вовсе не при смерти был.

– Где работаешь? – вяло спросил он. Что ж, разговора не избежать.

– На лесопилке, с деревяшками вожусь.

Последовал отстраненный кивок. Повисла пауза. Он уставился в пустоту прямо перед собой.

– На жизнь хватает? – разродился он наконец вторым вопросом.

– С напрягом, но в здешних краях выбора особо нет. На плаву меня срубают морская болезнь.

– Сам море не люблю. – Он хохотнул. Но без веселости. Смех был таким же безжизненным, как и все прочее в нем.

– А у вас дом красивый. – Как и говорил, собеседник из меня отпадный.

Еще кивок. Казалось, для этого человека я вроде соринки на ковре. Я просто не заботил его, вот и все – может, это даже к добру. Казалось, держать в уме сам факт моего пребывания здесь требовало от него некоторых душевных усилий.

С лестницы послышались шаги. Взгляд загадочного родителя Кейси худо-бедно прояснился, сфокусировался на мне: *ого, этот парень все еще здесь.*

– Будьте осторожны с моей дочуркой, мистер Томас.

– Э... хорошо, сэр.

Шаги приближались. Он снова отвернулся, и на этот раз я проследил, куда его внимание то и дело сносит. На другом конце комнаты стоял маленький столик с вазой для цветов, пепельницей и парой фотографий в золоченых рамках на нем. На одной – Кейси несколько лет назад; надо думать, со школьного выпускного. На другой, студийного качества – кареглазый малыш лет шести-семи, улыбающийся на тот забавный детский манер, когда губы плотно сжаты и зубов не видно.

О том, что у нее есть брат, Кейси ни разу не обмолвилась.

Я глянул на мистера Уайта. Он напряженно разглядывал снимки, на лбу у него – высоким, бледном, с парой глубоких морщин – проступила испарина. Было непонятно, на Кейси он больше смотрит или на парнишку.

– Готов?

Она прыгнула с последней ступеньки – наряженная в обтягивающий топ, будто нарисованный прямо на коже чьей-то уверенной рукой, чуть запыхавшаяся, пахнущая чистотой и гелем для душа.

– Да, пойдем, – откликнулся я.

Она подскочила к отцу и чмокнула его в щеку.

– Пока, пап.

Ему удалось выдавить слабую улыбку. Особых родственных чувств между отцом и дочерью что-то не наблюдалось.

– Ты допоздна?

– Не знаю, может быть. Если да – пожелай за меня маме спокойной ночи.

– Хорошо.

Он поднялся – бездумно, но с некоторым усилием. Просто привычка была в нем сильнее осознания причиняемых ею неудобств. Ну, так казалось с виду. Когда дама покидает комнату,

надо встать. Даже если речь идет о собственной дочери. Тут чувствовались годы муштры. Кто сказал, что привычки делают жизнь легче?

Да что же с ним не так, подумал я, все более заинтригованный. Откуда эта летаргия? Эмоциональный вакуум.

– Что ж, хорошего вам вечера, хм... молодой человек, – произнес он.

Чел забыл мое имя.

– И вам, сэр, – протянул я недоуменно.

* * *

Мы вышли в теплые летние сумерки. Снаружи было лучше, чем внутри.

Кейси устала на пикап, стоящий через улицу.

– Ты точно хочешь ехать на этом корыте?

– Мне особо без разницы.

– Давай-ка тогда «шевроле» возьмем. Ким и Стив на стенку будут без него лезть. Очень уж привыкли к комфорту – не простят такой подставы.

Она зашагала было к подъездной дорожке, и тут я поймал ее за руку.

– А как насчет сделки?

– Какой еще сделки.

– Возьмем «Шевроле», а вот Ким и Стива – опустим.

Кейси усмехнулась.

– Они ж нас ждут.

– Звякни им, скажи, что приболела. Месячные прихватили.

– Так нельзя.

– Еще как можно.

– А если они застукают, как мы без них раскатываем по городу?

Я пожал плечами.

– Ладно, твоя взяла. Снова.

Мы забрались в машину. Я наблюдал, как она обдумывает мои слова где-то с минуту, улыбаясь своим мыслям, и у меня откуда ни возьмись появилась полная уверенность, что уж в этом-то забеге победа будет моей. И вот, стоило ей завести машину, я наклонился, взял ее за подбородок, повернул к себе и поцеловал. Я сам от себя не ожидал такого рвения, честно говоря. Поцелуй вышел пылкий, долгий, *голодный*.

Кейси отстранилась.

– Ты меня убедил, – тихо произнесла она.

Мы подъехали к телефонной будке напротив универмага Хармона. Кейси вышла, окунаясь в неоновое сияние вывески. Набрала номер, переговорила с кем-то на другом конце. Сдается мне, разговор ближе к концу вышел немного вздорный – но потом, повесив трубку, она повернулась ко мне и показала большой палец: мол, дело в шляпе. Забравшись обратно в машину, Кейси задорно хлопнула дверью – и выговорила:

– Ну вот и все. Ким передаст Стиву, что я не иду. Он, конечно, будет очень недоволен. Ну и пусть.

– И пусть. – Я поцеловал ее снова. – Кстати, что у тебя за дела с ним?

– В смысле что между мной и ним, да?

Я кивнул, и Кейси прыснула.

– Я просто его подруга детства. Мы – те самые соседские дети, что вместе, бок о бок, росли. Когда были маленькими – даже говорили о том, что когда-нибудь поженимся. Ну, знаешь, такая очень детская фигня. А потом мы выросли... ну, кто-то – точно вырос.

– Он собирается в Гарвард.

– И что, думаешь, там мало недорослей?

– Тогда откуда взялась Ким?

– Появилась лет на семь позже. Я познакомилась с ней в средней школе, ну и презентовала ее Стиву. Его предки, мои и Ким в конце концов сдружились, так что рано или поздно их дорожки все равно пересеклись бы. Но то, что мы держимся вместе, – целиком моя заслуга. И, скажу тебе, в старших классах нам выпала своя доля испытаний. И Стив, и Ким были слишком... не по годам развитые – думаю, так это называется. У Ким была та еще репутация – заслуженная, разумеется.

– И они были вместе все это время?

– Мы. *Мы* были вместе. Иногда мне кажется, что мы втроем – как сиамские близнецы. Да, всякое было, но уже прошло. Нужна тебе я – ты получаешь и Ким в нагрузку. Хочешь Ким – получаешь заодно и меня. А Стив хочет нас обоих, так что тут все просто. Это странные отношения – мы с ним никогда не были любовниками и никогда не будем, но он все еще вроде как собственник по отношению ко мне, понимаешь? И без меня я не уверена, что они с Ким все еще были бы вместе. Как я уже сказала, мы обе ему нужны – разом. И он может поддерживать связь со мной только при посредничестве Ким. Не знаю, как оно все работает, но роль связующей ниточки играю уже который год. И сразу скажу, пока ты не спросил, – да, порой это очень хлопотно. Порой, но не всегда.

Я решил ковать железо, пока горячо, и спросил будничным тоном:

– Ну а брат твой как к этому относится?

– Мой *брат*?

Что бы это ни была за струнка – зря я за нее дернул. Я понял, что знаю, как себя чувствует крыса, когда мышеловка перешибает ей хребет – что-то вроде «Да не такой уж это был и большой кусок сыра...». Атмосфера в машине вдруг стала очень напряженной.

– Кто, бляха, сказал тебе про брата? Отец?

– Я просто увидел его фотографию, вот и все. В гостинной. Вот и задумался...

Мгновение она пристально созерцала меня – я и не знал, что эти глаза могут быть такими холодными. Потом она повернула ключ в замке зажигания и стронула нас с места. Зашуршали по гравии шины.

– Давай просто забудем о моем гребаном брате, – угрюмо бросила Кейси.

Я намотал эти слова себе на ус.

В тот вечер в баре играла местная группа, довольно сосущая по качеству – пара гитарщиков, довольный жиробас на барабанах и припанкованного вида девка у микрофона, которую я смутно помнил по старшей школе. Помнится, раньше она была мелкой, белокурой и писклявой, совсем без груди, такой же интересной, как банка консервированных персиков. Сейчас, в общем-то, ничего не поменялось, ну разве что вихры она покрасила пепельно-черным. У группы была вроде как ничего такая задумка – взять классический репертуар вроде Дела Шеннона и Элвиса и его подать в этакой панк-аранжировке, но все равно это смотрелось в лучшем случае претенциозно, да и по лицам тех, кто прислушивался, было ясно, что в десяти из десяти случаев они предпочли бы старое доброе кантри – Лоретту Линн там или Эрнста Табба на худой конец. Мы опрокинули пива, и когда мужики перед нами встали и начали спрашивать, а можно ли сыграть на заказ «Техасский», мать его, «вальс» – убрались оттуда к чертовой матери.

Кейси пожелала немного покатать по округе.

Пока я говорил, она слушала. Я испытывал непреодолимое желание выдать ей про себя все – выложить как на духу всю подноготную Дэна Томаса. И все же я придерживал язык то в одном месте, то в другом, не желая торопить события. Вот, к примеру, о своем собственном брате ни словом не обмолвился – чтобы Кейси не подумала, будто меня заиклило на этом вопросе. Чего мне хотелось – так просто позабавить ее, но я не мог придумать ничего такого,

что было бы хоть немножко забавным. И пока я говорил, я понял, насколько депрессивным местечком был наш Дэд-Ривер по сравнению со всем тем, к чему Кейси привыкла в Бостоне.

Да по сравнению с чем угодно.

Но никакой альтернативой я не располагал.

Поэтому я рассказал ей про проделки моего дружка Рафферти и про тот идиотский случай, когда он и близнецы Боркстрем напились и нагадили аккурат в соседскую водонапорную башню. О том, как на Беккер-Флэтс иногда собирались ночами здешние любители стритрейсинга. О старом черном псе, жившем у нас и умевшем свистеть сквозь зубы. И я все задавался вопросом, что, черт возьми, она думает обо всем этом – и обо мне.

Кейси лишь однажды уточнила, зачем я поджег газон в округе – меня тогда буквально взяли на горяченьком:

– У тебя что, склонности пироманьяка?

– Нет, что ты, – хмыкнул я. – Слишком круто для такого, как я. Я просто тогда прочитал про напад – и решил устроить ад кучке пластиковых солдафонов.

– А, вот как, – немного будто бы разочарованно протянула она. Тут начался дождь. Просто легкий теплый дождик с накатывающим густым туманом. Верх у «шевроле» был опущен, так что мы встали через дорогу от кинотеатра, натянули его и закрепили в пазах. В кино крутили киношку с названием «Зомби детям – не товарищ», один из тех малобюджетных фильмов ужасов, которых так много клепают в последнее время. В освещенной лимонным светом наружной кабинке сидела билетерша и читала детектив в мягкой обложке. На улицах стояла тишина.

Кейси пружинистым шагом подошла ко мне. Я тем часом держал руку на ручке дверцы со стороны водителя, готовый впустить ее обратно внутрь. Легонько коснувшись кончиками пальцев моего предплечья, она промурлыкала:

– Не торопись. Подойди ко мне ближе.

Мы поцеловались.

Поначалу чувство у меня было довольно неловкое. В конце концов, это был мой город, и в освещенной кабинке в нескольких ярдах от меня сидела билетерша – наверняка чья-то дальняя родственница-сплетница, седьмая вода на киселе. Однако я недолго переживал. Всего несколько секунд, по факту – пока не осознал, как меня заводят губы Кейси. После долгой оральной ласки мы расступились, и я увидел, как крошечные капельки дождя сияют в ее волосах, запаленные огнями кинотеатра на противоположной стороне улицы. Я видел выражение ее лица, переполненное неожиданной страстью.

Мы снова поцеловались – долго, страстно и жестко на этот раз; я ощущал, как мышцы ее спины по-звериному напрягаются.

Позади нас прошел мужчина, выгуливая большую дворняжку, – просто тень перед закрытым ларьком аптеки, которая обанкротилась три года назад. Я только сейчас осознал его присутствие.

Ее тело соответствовало моему, как ни одно из тех, что я когда-либо держал в руках, – каждый изгиб и впадинка сливались в идеальное целое; язык был сладок на вкус. Он жалил меня изнутри – и на всем свете мне хотелось сейчас лишь одного – забраться назад в машину и довершить начатое, пока азарт кипящей крови меня не разнес в клочья. Отвезти ее к себе. Повалить ее, обнаженную, на прохладные свежие простыни, которым вскоре суждено стать влажными от пота наших тел.

Ее рука переместила мою под футболку – к ее обнаженным груди и животу. Они были горячие на ощупь. От нее исходил ароматный женский запах. Прикусив мою нижнюю губу, Кейси процедила мне под нос, наваливаясь, прижимая всем телом к машине:

– Подсади меня.

– Ты испортишь юбку. – Юбка была белая, из мягкого полотна.

– Мне все равно, дурень.

Я положил руки ей на бедра и посадил на низкий передний капот машины. Кейси обняла меня и снова поцеловала.

Поцелуй был яростным, сотрясающим, в нем было что-то сумасшедшее, связавшее нас, точно тонкая раскаленная добела проволока. Когда он закончился, мы распались – запыхавшиеся, с дико колотящимися сердцами. Глаза Кейси так и вспыхнули, когда она посмотрела на меня.

Дождь начал лить немного сильнее.

Мое лицо так покраснелось, что мне показалось, будто мы, должно быть, заставляли уличный туман вокруг нас закипать и клубиться. Никогда не подумал бы, что кого-то можно возжелать столь сильно. Я мог чувствовать нужду в Кейси в каждой косточке моего тела; болезненное желание натягивало каждый дюйм моей кожи. И в каком-то смысле просто хотеть ее так сильно было достаточно – тоже в своем роде удовлетворительно. Если бы в этот момент откуда ни возьмись вылетел лихач на тачке без тормозов и размазал бы нас по асфальту, на этой промоченной моросью улице я умер бы совершенно счастливым человеком – ведь я не упустил свой момент. Познал такое желание, такое удовольствие, что все остальное было попросту неважно.

Именно поэтому я и не был готов ко всему остальному.

Она бросила взгляд куда-то в сторону, на здание кинотеатра, – глаза широко раскрыты, лицо мокрое и блестящее от дождя. Ее голос упал до мягкого страстного шепота.

– Та баба в будке, она наблюдает. Она *видит* нас.

– Давай тогда поедem домой.

– Ну нет.

– Прошу тебя, Кейси.

– Нет-нет.

Она притянула меня ближе, снова взяла мою руку – и медленно переместила себе под юбку. Я почувствовал, как прохлада ее бедра медленно превращается в гладкое влажное тепло, когда она сдвинула ее вверх. Потом остался только мягкий тонкий пучок лобковых волос под моей рукой – и гостеприимные недра ее тела.

– Давай же, Дэн. – Кейси легонько укусила меня за щеку. – Прямо здесь и сейчас – или никогда.

И вдруг дождь хлестнул не на шутку.

Вспышка света, а за ней – дождь и ветер, от которых задрезжала жалобно замыленная витрина магазина позади меня; вспышка, сопровождаемая отдаленным раскатом грома.

Кейси двигалась быстро, лихорадочно, содрогаясь всем телом. Я удерживал ее на весу, задыхаясь, торопя наслаждение, а она выгибалась, охватывая мою шею, стараясь прижаться ко мне еще плотней, еще плотней. Плеск воды, лихорадочная частота дыхания, ее запрокинутый к небу лик – там, на залитых дождем блестящих улицах моего родного города, я читал странное животное удовольствие в ее чертах, когда я, на глазах у застывшей каменным истуканом билетерши, погружался в нее все глубже, тиская голые бледные бедра – невольник, изголодавшийся, сумасброд. Я слышал ее смех – ужасный, устрашающе алчный, – задирая желтую футболку и чувствуя, как груди напрягаются под моими руками, как соски превращаются в два камешка оттенка фуксии. И все это длилось, длилось, не кончаясь, долго, очень долго – мое пылающее лицо, ее руки, ее плечи и это острое, растущее блаженство, растворение друг в друге, захлеб, задыхание, плеск.

И извержение – дрожащей страсти, небесной воды, электрического света.

Говорят, у бойца ноги сдают первыми.

Я медленно опустился на черный асфальт, вода стекала у меня по коленям. Опустился, несколько не заботясь о том, что это – улица. Как у себя дома.

Я поднял глаза и увидел, как Кейси улыбнулась и соскользнула с машины – с ее губ клубами срывался пар. Она протянула мне руку. В ветвях растущего близ парковки дерева, в незапамятные времена расщепленного надвое молнией, завывал ветер.

– Теперь можно и к тебе поехать, – произнесла она.

Глава 7

Эту ночь мы провели вместе, в моей кровати. Утром ее не оказалось у меня под боком. Записки Кейси не оставила – оно и неудивительно, не в ее манере. Я бы ошарашился, случись иначе.

Несмотря на все синяки и саднящие царапины, я буквально чувствовал, как энергия бурлит во мне – заряженный, точно новехоньякая батарейка.

Мне было смутно интересно, что она сказала своим родителям, если вообще что-нибудь сказала. Но я не беспокоился об этом всерьез. Я вообще ни о чем не беспокоился, честно говоря. Во всем Дэд-Ривер я еще ни разу не сталкивался ни с кем, хоть отдаленно напоминающим Кейси. Тогда я охотно готов был поверить, что второй такой не сыскать и во всем остальном мире.

Я никогда не надеялся встретить такую девушку, и в то же время – понимал, что именно такую и ждал всю свою жизнь. Словно компенсацию за все эти пустые годы. Какой-то древний придурок заявил, что после соития всякая тварь грустна, но встань он сейчас передо мной во всем своем допотопном величии – я бы просто поржал ему в глупую рожу. Я чувствовал себя отменно, на пике эйфории, и даже это было еще мягко сказано.

Сварив кофе, я уселся в постели читать утреннюю газету, время от времени отвлекаясь поваливаться в приятной прострации, обоняя запах Кейси, задержавшийся на простынях и на мне самом. Немытый и небритый, я чувствовал себя чистым, аки младенец. На дворе стояла суббота, так что никаких неотложных дел на горизонте не маячило. До душа я добирался добрых пару часов, а когда вышел, весь мокрый, за полотенцем, *она* стояла, выжидая, у кровати.

– Вытирайся давай. Нам уже приходилось – помнишь?

Весь этот день мы провели в постели.

И субботу, и почти все воскресенье – тоже.

Я так и не удосужился спросить ее, что она сказала своим родителям. Меня это, повторюсь, особо не заботило. Очевидно, она знала способ как-то все устроить – и ничто не указывало впоследствии на то, что имел место какой-либо конфликт по поводу ее длительного отсутствия, по поводу долгих шатаний незнамо где.

Может, ее предки просто понимали, кто им достался, – как и я. Некто очень особенный. Человек, которому простые законы не писаны. К такому нет никакого толка приставать с расспросами.

Может, и стоило бы.

Но, как сказал Уирт Уильямс³, лишь святые умеют видеть в своих поступках грехи. Ни я, ни предки Кейси святыми не были.

Я взял отгул в понедельник, сказался больным. Никогда не делал так раньше – ни разу, так что проблем не возникло. Дождь прошел вместе с выходными, дав дорогу жаркому ясному утру. Было первое июля, и мы решили снова поехать на тот пляж.

Стивен подобрал нас на роскошном голубом крайслере «Ле Барон». Они с Ким уже успели пожить в магазине, так что в машине было полно пива и всех привычных деликатесов. Я был отчего-то рад, что меня оставили в стороне от этой конкретной части. Стив был в потрясающем настроении; я вслух задался вопросом, не из-за воровства ли это.

– Не-а. Нет, это, конечно, тоже весело. Но моя сестра дома, прикинь? Угадай с первого раза, кто ей роженки наставил. Юная Бабс из Рэдклиффа, вот кто. А она-то! Морда лошадиная, двух слов связать не может, вместо титек – дули. Зато ныне свободна, как ветер в поле!

³ Уирт Уильямс (21 августа 1921 – 29 июня 1986) – американский писатель, журналист и профессор английского языка. На русский язык переводился его роман «Ада Даллас».

Боже, родители от нее умом скоро тронутся. Уж третьи сутки как закатывает истерики – ну, как оно бывает, когда срывается женишок при деньгах, – и им все это дерьмо приходится лопать полной ложкой. Умора – вообще не представляешь, какая. Это ведь они ее подкинули под него, сечешь? Они просто *без ума* были от Роберта Каупи Джессапа, не говоря уж о «Джессап Лабораториз». За завтраком сестрица назвала их вивисекторами, прикиньте? Сто пудов это Роберт ее таким словам научил, ха. А прошлым вечером она их всего-то «сво-о-одниками» кликала. Я чертовски хорошо провожу время, говорю ж.

– Вижу, родственные чувства у тебя отменные.

– Да просто охрененные!

Я мечтал, чтобы нечто подобное в его семейке случилось каждое утро, ведь он, по крайней мере, не гнал, как петухом клонутый. Вышла приятная такая авто-прогулочка под пиво и ворованную икру – по прибрежной дороге мы катили легко и спокойно, в приятном миролюбивом темпе. Когда в поле зрения замаячил дом Краучей, Стив глянул на меня и ухмыльнулся.

– А у них там свет горел, отвечаю.

– Да хорош заливать.

Его настрой радовал нас всех.

Кейси сказала, что соломенная шляпка Ким выглядит так, будто ее сняли с Ильзы Лунд и нахлобучили на Кейт Хэпберн⁴. Стив заметил, что по сравнению с «обширной крестьянской красотой» Кимберли, «нашедшей наибольшее отражение в отличных молочных дойках и ляжках, созданных для того, чтоб в них забуриться рожей», Хэпберн смотрится просто «скучной англосаксонской дощечкой». Ким на это заметила, что если кто-то во что-то и «забурялся», то, скорее всего, я – в Кейси, ведь от нас все выходные ни ответа, ни привета не было. В общем, все довольно-таки быстро скатилось к обычным молодежным сальным подколкам. Мы вдоволь нахохотались. Наконец Кейси пустила шпильку о неизбежности обсуждения груди Кимберли на любом светском мероприятии, которое та надумает посетить, и тогда Ким, стянув свой соломенно-широкополюй головной убор и сунув его под сиденье, бросила:

– Хорошо, раз вам их так хочется – получайте.

С этими словами она стащила с себя светло-голубую майку через голову и вышвырнула ее из автомобиля на ветер. Мы проследили взглядами, как та, порхая, опускается позади нас. До пляжа оставалась еще добрая миля, а Ким уже сидела полуголая, довольно выпятив грудь. Прохладный ветерочек, залетающий в салон, усыпал ее кожу мурашками, заставил вздернуться соски.

– Какое многообещающее зрелище, – протянула Кейси. – И в чем ты теперь пойдешь домой?

Ким хихикнула.

– Тебя это колышет? Зря, зря. Лучше подумай, в чем *сама* вернешься!

За нашими со Стивом спинами завязалась короткая потасовка. Мгновением позже простая, рабочего кроя, рубашка Кейси порхнула в воздухе и расстелилась на придорожном рогозе. Теперь на заднем сиденье у нас со Стивом сидели уже две полуголые девицы.

Дорога впереди стелилась пустынная. Да и позади – не лучше; но мне все казалось, что нас где-нибудь непременно тормознут копы и станут ехидно пялиться – выписывая попутно штраф за нудизм. Ким и Кейси тем часом хохотали до алых щек.

– Ладно, пора уравнивать счет, – заметил Стивен. Машина начала вихлять и порывисто останавливаться, когда он расстегнул молнию на джинсах и спустил их сначала с одной ноги, затем – с другой, затем стал выпутываться из кроссовок. Это заняло некоторое время, но в конце концов он остался в одних трусах. Ну хорошо, что этот герой-любownik *в принципе* их

⁴ Илза Лунд – героиня фильма «Касабланка» (1942), Кейт Хэпберн – американская актриса (1907–2003), признанная Американским институтом кино величайшей в истории индустрии, четырежды удостоена премии Оскар.

носил. Аккуратно сложив бумажник, пояс и ключи на сиденье рядом с собой, он протянул мне пригоршню мелочи и отправил джинсы в полет через окно. Те хлопнули штанинами на прощание.

– Давай теперь ты, – велел Стив, глядя на меня.

– О, только не я.

– Давай-давай!

– Ты ж знаешь, как мне неловко, когда все пялятся на мой катетер, – с самым непроницаемым видом парировал я.

В общем, до пустынного скалистого местечка на пляже мы добрались без происшествий – и вскоре уже вовсю уминали награбленный провиант.

– Знаете, – сказал я, – а мне б сейчас славно зашел простой бутер с колбасой.

Стив кивнул.

– Понимаю. Да и вообще пора завязывать с шоплифтингом.

Ким остановилась на середине кусочка сыра с крекером. Она посмотрела на меня, а затем – на себя.

– А все-таки в чем мы домой пойдем? – спросила она.

Я заржал, выплюнув всю икру себе на руку.

Хорош денек!

Я лежал на спине, полусонный, позволяя солнцу обжигать меня. К этому времени моя задница сделалась такой же коричневой, как и все остальное, и моя скромность давно уступила место беспечности во всем, что касалось моей новой компании. Ким сидела рядом со мной на полотенце, втирая масло в руки и плечи. В одно мгновение Стив вскрикнул, и она со свистом втянула воздух сквозь зубы. Оба звука прозвучали неожиданно испуганно.

Я уже вскочил на ноги, пока Ким только-только переваривала ситуацию. Я успел кое-что понять, хотя бы отчасти.

Стив и Кейси пошли на скалу – ту самую, куда мы с ней взобрались в тот первый день, где чайки разбивали панцири крабов и ракушки моллюсков. И теперь Кейси стояла там одна – и смотрела вниз, на Стива, вся скованная каким-то диким напряжением... вот только не испуганная, а скорее разозленная.

Там, внизу, Стив отчаянно пытался вскарабкаться обратно.

Его руки вяло и бестолково били по воде, будто он позабыл, как ими нужно правильно пользоваться, что заставило меня беспокоиться не столько о возможном переломе, сколько о полученном при ударе о скалу сотрясении мозга.

Я побежал, и вскоре следом за мной, отставая на пару шагов, сорвалась и Ким. Стив тем временем всполз кое-как на скальный уступ, попытался выпрямить спину – и тяжело опрокинулся на грудь. Там, где он упал, не было песка – только камни. Приложился он, должно быть, нешуточно. Я слышал, как дыхание рвется из его груди – но никаких других звуков он не издавал. Все, что попадало мне в уши – глубокий нутряной свист, крик чаек, топот наших с Ким ног. Довольно скромно для форс-мажора.

Присев рядом с ним, я заложил одну руку ему за спину, чтобы поддержать его, прямо под плечи:

– Расслабься, Стив. Расслабься.

Он посмотрел на меня осоловело. Я увидел небольшую царапину чуть ниже линии роста волос, над его правым глазом. Распухла на глазах, но, в целом, не так уж и плохо выглядела, если не считать темных сгустков крови. Я прошерстил его волосы в поисках чего-нибудь похуже – голова оказалась цела. Просто встряхнуло о камешки. Какое же, черт возьми, облегчение.

Ким присела на корточки рядом со мной. Ее взгляд метнулся куда-то влево, и она снова засипела сквозь зубы, сморщившись. Я понял, на что она глядит: левая рука Стива была вытя-

нута под прямым углом от нас, запястье безвольно болталось. Ладонь от большого пальца до мизинца была довольно сильно порезана, почти что распорота. С запястья стекала устойчивой струйкой кровь, на ладонь свисал лоскут кожи дюйма в два длиной.

– Принеси что-нибудь. Для перевязки, остановить кровотечение, – приказал я Ким. – Ну, поторопись!

Теперь его взгляд худо-бедно собрался, хотя в лице по-прежнему не было ни кровинки. Я был почти уверен, что со Стивом все обойдется. Он явно хотел мне что-то сказать – на лице у него читалось неподдельное изумление.

– Она... она *стихнула* меня...

Я пристально посмотрел в сторону Кейси. Та и бровью не повела. Слепящее яркое солнце всегда делало ее глаза странно прозрачными. Как две ледышки, я ведь уже говорил...

– Кейси, что там у вас произошло?

– Ничего.

– Ты, блин, уверена?

Ким прибежала обратно с моей футболкой, я помог ей замотать тканью руку Стива, показал, где нужно прижать.

– Держи крепко, – сказал я и снова обернулся к Кейси: – Ну так что, может, ответишь? Я жду.

Я увидел, как ее плечи слегка поникли. Ее голос звучал на низких нотах, и в нем прямо-таки плескалось презрение. В таком тоне он способен был напугать не на шутку:

– Да пошел ты на х...

Она отступила от нас.

– Оба катитесь.

Я смотрел, как ее понурая фигура исчезает где-то за дальним краем скалы. Накрыв ладонь Ким своей и помог ей придержать рану Стивена, украдкой глянул на нее. Она полностью сосредоточилась на порученном ей деле.

Только тогда я понял, что меня пробирает дрожь.

Я так и не выяснил, что за кошка пробежала между Кейси и Стивеном, хотя был почти уверен, что он попытался к ней подкатить. Настроение у него тогда как раз под стать было, вот он и попался под горячую руку.

Внятного разговора о происшествии в любом случае не последовало.

Мы поехали домой. Девушки сидели сзади, завернувшись в полотенца, мы со Стивом – впереди; та же расстановка сил, что и по дороге сюда. Только на этот раз я был за рулем, а Стив баюкал свою руку, прижимая окровавленную футболку к ране. В городе ему пришлось наложить восемь швов.

Всю обратную дорогу никто не проронил ни слова. Холодок между Кейси и Ким стоял почти осязаемый. И едва ли здесь можно было винить Ким – я и сам был чертовски возмущен поведением Кейси. Что бы там, на скале, ни произошло – у нее не было повода так отделать Стива. И еще это холодное безразличие... он ведь мог и голову там раскроить, и утонуть – запросто. А она и глазом не моргнула, еще и на нас собак спустила.

Тут стоило призадуматься – а хорошо ли я эту девчонку знал?

И, несмотря на наши совместные выходные, этот вопрос всплывал снова и снова: я все гадал, сколько еще будет от нее сюрпризов, подобных сегодняшнему, и действительно ли я хочу быть рядом с ней и наблюдать все это.

Я посадил девчонок у их домов. Потом принес из своей квартиры запасную пару брюк, помог Стиву надеть их и отвез его к доку Ричардсону, в поликлинику на Кедровой улице. Там ему промыли и обработали рану, наложили толковую, а не из футболки повязку, залепили

пластырем ссадину на лбу. Работая, док в типичной для него манере жаловался, что после Гувера⁵ времена пошли не из лучших.

К тому времени когда мы ехали обратно через город, Стив оклемался.

Я посадил его у летнего домика предков и проследил, как он медленно идет по мощенной камнем дорожке к покрашенным белой краской дверям с резьбой в колониальном стиле.

Мы не виделись с ним почти неделю.

В следующий раз, когда я увидел Кимберли, она все еще была в непонятках. Но можно было сказать, что горечь немного прошла, размытая пониманием. Мы вместе сидели в кафешке у Хармона и пили кока-колу. Она тоже подозревала, что Стив сделал шаг к Кейси. Она думала, что у него были на то причины.

– Мы похожи, Кейси и я. На нас будто знак повесили, как табличку какую-то, что-то вроде «За свободной любовью – сюда». А знаешь, это же не так скверно, как многие думают. Многие люди, хоть сами себе ни за что не признаются, ни к чему конкретному не стремятся – дай им немного веселья, немного удовольствия и парочку компромиссов с совестью, и все будет в ажуре. Я полагаю, что при прочих равных условиях мы просто самые лучшие девчонки на свете. Намного лучше, чем какая-нибудь унылая ехидна вроде сестры Стива, у которой между ног всегда как в пустыне Мохаве. С нами все легко, и ты сам в конце концов чувствуешь себя... не таким придавленным. «Щелкни пальцами – и станет легче», помнишь эту песенку?

Я кивнул, глядя, как она водит соломинкой по краю стакана.

– Но иногда я думаю, что Кейси очень уж этим пользуется. Понимаешь, о чем я? Как будто у нее при себе какой-то динамит, и с его помощью она взрывает любые заслоны – так получая все, что хочется от жизни. Вот это уже неправильно. Даже опасно. Я знаю, что Стив хотел ее с тех пор, как они были детьми, но я ему не меньше нравлюсь. Вот только я ему подхожу, а она – нет.

– И кому же тогда подходит Кейси? – уточнил я уклончиво.

– Тебе, может быть, – на голубом глазу ответила Ким. – Я не знаю, не стану говорить наверняка. Но уж кому она *точно* противопоказана, так это Стиву. Хоть он и не оставляет надежд. Пытается набиться ей под руку время от времени. И мне все больше кажется, что и для нее в этом нет ничего хорошего. Ради чего обычно парень и девушка вместе? Ради удовольствия. Удовольствия, привязанностей. Но у Кейси какой-то свой план. Она людей... завоевывает, я бы сказала.

– Для чего? – удивился я.

Кимберли посмотрела на меня серьезно. Подняла руку – и скрючила пальцы с персиковым лаком на ногтях, как бы загребая воздух.

– Для того, чтобы их съесть без остатка. Кейси охоча до людей, – сказала она – и прозвучало это предельно серьезно.

⁵ Здесь подразумевается Герберт Гувер (1874–1964) – 31-й президент США от Республиканской партии, исполнявший обязанности с 1929 по 1933 год.

Глава 8

– *Чего бы ты желала, Кейси?..*

Мы лежали в одной кровати, у меня дома.

– *А что вообще стоит того, чтобы желать?..*

Ее лицо с моим разделяли считанные миллиметры. Жерла глаз втягивали мою душу куда-то вглубь себя, и я даже не смел противиться.

– *Удовольствия?*

– *Знания. Своя позиция. Обладание хорошими вещами, надо думать. Успех – по возможности. И – что-нибудь удивительное, способное меня захватить. Ну или что-то в самом мне, что удивляло бы...*

Я не спрашивал ее. Только наблюдал, как сужаются ее глаза; вдруг она села в постели, лунный свет делал ее похожей на кошку.

– *Воля – вот что стоит наших желаний.* – Она выдержала паузу. – *Воля... и власть.*

Глава 9

– Как оно там у богатых, жеребец?

Рафферти сидел на своем обычном месте в уголке бара, у стены со старой кривой гравюрой Фредерика Ремингтона над головой. Оттуда было видно, как все входят и выходят – четкий обзор до самого музыкального автомата. Часы на стене показывали пять пятнадцать.

– В данный момент воздух немного разрежен. – Я рассказал ему о том, как Стивен и Кейси повздорили. Он покачал головой и улыбнулся мне.

– В одной киношке с Уорреном Оутсом было сказано так – я прямо хорошо запомнил: «Не будь у бабы манды, ее бы только пристрелить оставалось». И далеко ты с ней зашел? – Он смочил глотку пивом.

– Далековато, мне кажется.

– Плохо, что тебе ума не хватит попросту соскочить с дорожки на дорожку. Эта блондинка помладше – тоже миленькая.

– Твоя правда, Рафферти.

– Но тебе подавай поэзотичнее, да?

– Наверное.

Я заказал порцию «ерша» у Хэнка Маккарти, бармена, и он принес ее. Мои руки все еще были сплошь в мелкой древесной трухе после лесопилки. Граненый стакан в моей руке приобрел оттенок грязноватого красного дерева от налипших на него частичек.

– Ты должен пораскинуть мозгами о приоритетах, Дэнни, мальчик мой. Тебе какого хрена надо? Ты эту Кейси в жены собрался брать? Поедешь за ней в Бостон, или где она там учится, в сентябре? Будешь токарничать, пока она там дипломы получает? Так о чем весь шухер? Трахайся, развлекайся – и пусть все идет чередом.

– Ну да.

– Я серьезно тебе говорю.

– Послушай-ка, Джордж. Я еще не все продумал. Такие вещи порой просто случаются, ну. Тебе ли не знать.

Он выглядел раздраженным.

– Да, но ты смотри не прогадай. А то останешься у разбитого корыта.

Мне не хотелось спорить. Кроме того, он, вероятно, был прав. Во многих отношениях я ходил с закрытыми глазами, когда дело касалось Кейси: ни прошлого, ни будущего, очень узкий фокус на настоящем. Примерно на одно лето. Это было нормально, пока я знал, что это временное явление по своей природе, пока я был готов расстаться с ней – и просто шагать себе дальше по жизни.

Но я не был готов. И здесь-то, как я понимал, и зарыта собака. Я позволил себе слишком сильно привязаться к этой девушке из города, зная о ней преступно мало. Так в какую же авантюру я ввязался? Она – просто избалованная, не самых лучших нравов и манер богачка... бога ради, да я для нее просто игрушка на лето – тут впору самому на себя позлиться за непрошибаемый наивняк.

Кажется, настало самое подходящее время налакаться всерьез. Я заказал нам с Рафферти еще по одному прогону.

– Вот это я понимаю – разговор, – мигом обрадовался он. – Давай, вдарим-ка – ты сразу лучше себя почувствуешь, об заклад бьюсь.

– Сделай мне одолжение, Джордж...

– Валяй.

– Если она когда-нибудь столкнет меня где-нибудь с обрыва, выбьешь из нее всю дурь?

– Почту за честь!

Потягивая пиво, мы наблюдали, как бар неуклонно заполняет толпа работяг. Здешнюю публику неизменно интересно наблюдать – она разношерстная. Джинсы, грязные футболки, комбинезоны, деловые костюмы от «Сирс»; торговцы, рыбаки, сменщики. Некоторый процент женщин. Самые разные, в общем-то, люди. Здесь, в Дэд-Ривер, бары не были рассчитаны на какой-то один сорт публики, как в городах, – для этого у нас маловата была клиентура. Так что жизнь провинциального бара – процесс максимально демократичный.

– Джим Пэлмер заходил вчера, о тебе говорили, – заметил Рафферти.

– С чего вдруг? Я его едва ли знаю.

– Ну, не прямо-таки о тебе. Я сказал, что твой новый друг видел свет в доме Краучей. Джимми заключал все контракты на это место, помнишь же? Во всяком случае, он говорит, что сейчас там не живет никто. Так что, должно быть, туда дети залезли и баловались.

– Наверное.

– Однако есть один нюанс.

– Например?

Джордж Рафферти откинулся на спинку стула с высокой спинкой, хлебнул из только что наполненного стакана.

– Ну, во-первых, тот доктор съезжал из дома, до усрачки напуганный.

– Напуганный?

– Если верить Пэлмеру – да, еще как. Он там якобы побывал где-то за месяц до того, как старик отбыл, – нужно было подлатать что-то на переднем крыльце, но док сказал, что и возиться не стоит, лучше посмотреть на другое. Они с ним пошли в подвал. Спустились, значит, а там в стене – дырища. Огромная такая, будто кто-то кувалдой поработал. Откуда взялась – непонятно. Пэлмер сказал, доктор тот был довольно странным малым. Однако ясно, почему ему так хотелось дыру заделать – сквозило оттуда долбически.

– Это в подвале-то?

– Ага. Пэлмер сказал, фундамент у Краучей местами проходит через какие-то пустоты в скале. Пещеры, проходы – от эрозии или черт знает от чего. Если ему верить, так все наше побережье на срезе соты напоминает. Так что если где-нибудь кладка посыплется, задувать начнет прям от самого моря. В общем, дырку он доку заделал. А я ему напомнил про то, как мы в детстве у Краучей шарились.

– Я что-то в толк не возьму, а чего доктор боялся? Не сквозняка же. Насморк не хотел все время подхватывать?

– Джимми Пэлмер сам не особо в это дело вник. Но якобы уже тогда доктор поговаривал о том, чтоб место жительства себе сменить. Может, волновался, что в один прекрасный день весь дом под землю уйдет – знаешь, как в Калифорнии. Но тамошний подвал был в крепкой скале выдолблен, так что вряд ли. Нет, что-то мне кажется, в другом была причина.

– В призраках Бена и Мэри Краучей? – Я хитро прищурился.

– А почему бы и нет.

– По голосу слышу, ты недоговариваешь.

– Есть еще кой-чего, не стану отпираться. Ты же в курсе, что Бен и Мэри были полными дикарями?

– Типа чокнутыми?

– Да нет, натуральными пещерными людьми, имбецилами. Мерзкая история вообще-то. Когда банк потребовал деньги по закладной, в городе созвали на этот счет собрание. Пони-маешь, Бен только и мог зарабатывать на жизнь фермерством – и даже на этой ниве у него хреновенько дела шли. Никакой возможности обучить его с Мэри чему-то другому не было. Ну и кому-то пришла в голову здравая мысль – пусть городская управа и погасит закладную. Там оставалось-то от силы тысяча – или немножко больше. Люди сразу смекнули, что на одну бумажную волокиту и все сопутствующие нотариальные перипетии уйдет гораздо больше –

если держать этих недоразвитых чудиков на пособии тридцать-сорок лет, – чем просто погасить задолженность и дать им спокойно доживать в этом доме. Но в итоге кто-то заявил себя полным жмотом, и предложение отклонили. Мол, раз Дэд-Ривер прежде не занимался поддержкой бедняков – нечего и начинать. Ну, потом-то все равно начали, кстати, – но к той поре Бен и Мэри канули с концами, избавив всех от забот.

– Имбецилы, значит.

– Ну да, полные додики. Бен ни читать, ни писать не умел. С плугом кое-как обращался, ну и Мэри могла курице шею свернуть – вот и весь набор умений. Ну и куда с такой тупостью податься? Куда они в итоге исчезли-то – вот тоже вопрос!

– Наверное, просто умерли в какой-нибудь ночлежке.

– Ну да, это похоже на правду. – Рафферти оттолкнул пустой стакан. Губы его расплзлись в хитрой улыбочке выпивохи, и он выписал указательным пальцем некую магическую загогулину в воздухе перед собой. – Но может, с ними иначе вышло?

– И как же?

– А просто. Может, они взяли и ушли жить в те пещеры, как дикарям и подобает. И позабыли о всем прочем обществе с концами. Жрали рыбу и коренья, целыми днями слушали вопли чаек и завывания ветра... больше никогда не выходя.

– Ну ты даешь, Рафферти.

Я почувствовал, как по загривку прополз легкий холодок от его слов. А он глянул на меня – и улыбка у него стала еще более уклончивой и ироничной, как у полицейского в морге, стягивающего покрывало с очередного покойника.

– Тот доктор, – протянул он, – слышал ли он когда-нибудь *лай собак*?

Глава 10

Несколько дней спустя я решил, что чувство юмора Рафферти сделалось уж совсем гротескным, почти абсурдным.

Может, причиной тому стали ранние пташки-туристы, привлеченные к нам хорошей погодой, – люди, сотканные из денежных излишков и плохих манер. Те, в которых ты, с одной стороны, нуждаешься, а с другой – от одного вида этих с жиру бесящихся типов, которые, наплевав на квоты, рыбачат сетью и сосут вино прямо на улице из картонок, тебе делается дурно. Такой народец способен расшевелить в любом горького циника, сдается мне.

В тот же самый день Рафферти стравил мне байку о женщине, подавшей в суд на итальянского производителя соуса для спагетти с требованием возместить ей моральный ущерб – якобы, откупорив банку маринары, она нашла внутри чей-то палец в ошметке резиновой перчатки, указывающий точно на нее.

Следующим днем у него обнаружилась еще историйка, на этот раз – откуда-то с газетных страниц. На мясокомбинате на юге Чикаго в свинарнике нашли труп ночного сторожа, частично обглоданный хряками. Их там была добрая сотня, так что от лица и живота того мужика мало что осталось. Но вот что настораживало – обнаружили труп голым; вся его одежда была аккуратно развешена на ближайшей перегородке.

Рафферти позволил себе пару тошнотворных шпилек – не сказать, чтобы по сильно неочевидному в данном случае поводу, – и я подумал, что он в последнее время какой-то странный стал.

Но возможно, дело и не совсем в нем было.

Порой мне кажется, что на определенную перемену атмосферы реагирует – пусть по-своему – каждый; от этого просто не отвертеться. Пояснить свой взгляд на эту вещь глубже я не смогу. Иногда реакция очевидна и энергична, совсем как в год убийства Кеннеди; иногда – довольно скромна, как при победе региональной футбольной команды. Иногда она накатывает волнами, возвращается снова и снова – и ее приноравливаешься не замечать. Может, на Дэд-Ривер как раз пошла волна.

Собственно, вот почему я был склонен думать, что дело не только в моем друге Джордже Рафферти: достаточно было взглянуть на *меня*.

Эти магазинные кражи и прочие учиненные нами глупости, происшествие со Стивеном, угнанная тачка – прибившись к новой пестрой компании, с поистине деструктивной тягой, слепо, я шел у четверки новых знакомцев на поводу. На все, что они вытворяли, – смотрел сквозь пальцы.

На городской площади стояла статуя всадника, солдата времен Революции. В одну ночь мы выкрасили яйца коня в красный цвет, в другую – в синий.

Однажды днем мы сидели на пляже; Кейси плавала – вода потеплела, но все еще оставалась слишком стылой по моим меркам, – а Стива не было, он до сих пор возился с поврежденной рукой дома, так что на песке сидели только я и Кимберли. Разговор сам собой зашел о происшествии со Стивом – о *казусе*, как повಾದились мы его уклончиво называть. Скучная довольно-таки болтовня: когда снимут швы, когда он сможет нормально сгибать руку, все в таком духе. Мы вспоминали, как это было в тот день, ни разу не приблизившись к сути дела, не уточняя, почему так поступила Кейси. Этот насущный вопрос мы обходили стороной.

Но я думаю, это навело Ким на мысль о другой истории, которую я упомяну здесь, – она-то имеет отношение к загадочным переменам атмосферы в Дэд-Ривер, повлекшим за собой преобразования и в здешних людях.

Ким сказала, что тогда была еще совсем маленькой, по соседству с ней жила семья с дочкой-подростком – единственным ребенком. Девушка та не отличалась ни красотой, ни умом, обычная такая до зевоты, разве что слегка недружелюбная и всегда угрюмая.

Как бы то ни было, на день рождения – семнадцатый – родители подарили ей два подарка: машину и щенка добермана. Вероятно, сказала Ким, девушка была непопулярна в школе, и один презент – машина – должен был повысить ее статус в обществе, в то время как другой – утешить ее, если первый не сработает как надо.

И девочка взаправду сильно полюбила щенка.

Оба ее родителя работали, поэтому собака большую часть дня торчала дома одна, и Ким помнила, как машина хозяйки щенка с ревом въезжала на подъездную дорожку каждый день в половине четвертого и как ее соседка торопилась вверх по ступенькам, пока собака громко лаяла и царапалась в сетчатую дверь. Вскорости за этим следовали визги, объятия и лобзания, которые даже в детстве Ким находила довольно-таки противными. Огромный «щенок»-добер нарезал дикие круги вокруг дома, порой заскакивая и на ту территорию, что номинально принадлежала семье Ким – и так каждый день.

Но однажды произошло по-другому.

Девочка подъехала к дому, и не последовало ни лая, ни царапанья в дверь. Просто тишина. Ким, как обычно, играла во дворе и заметила, что что-то не так. К тому времени все уже привыкли к собаке, так что она просто спокойно наблюдала. Девушка вошла внутрь.

Через пару минут соседка выбежала со щенком на руках и очертя голову помчалась к машине. Уложив собаку на задние сиденья, она прыгнула за руль и на всех газах рванула с места. Только это и произошло на глазах Ким – об остальном она узнала позже, из третьих рук.

Когда девочка вернулась домой, щенок-добер лежал на кухне и задыхался. Что-то застряло у него в горле, так что она подхватила его и повезла к ветеринару. Ветеринар осмотрел собаку и велел ей подождать снаружи. Какое-то время она так и делала. Но потом ожидание стало ей надоедать, поэтому она решила ехать домой и попросила медсестру позвонить ей, когда доктор закончит.

Она пробыла в доме всего несколько минут, когда зазвонил телефон. Это был ветеринар. Он сказал, что с собакой все в порядке, и спросил, одна ли сейчас девочка дома. Та сказала – одна. Тогда он велел ей немедленно убираться наружу, пойти постоять на лужайке или на улице. Полиция, сказал он, уже в пути, а ей пока лучше не задавать вопросов – просто уйти как можно скорее.

Полицейский наряд застал ее ожидающей на лужайке перед домом, ходящей кругами, смущенной и обеспокоенной. Две патрульные машины высадили четырех копов на лужайке у ее дома.

Наверху, в шкафу ее отца, они нашли спрятавшегося мужчину с рубашкой, туго обернутой вокруг кровоточащего указательного пальца. Вернее, того, что от пальца осталось. Доберман, как оказалось, зарекомендовал себя отличным стражем – и весьма неловким едоком. Он оторвал незваному гостю палец от костяшки – и проглотил его целиком. И именно этот огрызок встал у него поперек горла.

– ...И я должен в это поверить? – уточнил я скептически.

– Все так и было.

Две истории о пальцах за одну неделю, подумалось мне.

– Ежели мне не веришь, спроси Кейси. Ее родители ту девчонку подряжали иногда посидеть с ее братом.

– С братом?..

Наверное, это слово вырвалось у меня слишком поспешно.

– Ну да. Ты... ну, ты ведь знаешь про ее брата, да?

– И да и нет.

Ким поняла, что сболтнула лишку. На моих глазах ей становилось все более и более неловко – у нее явно не выходило с ходу сообразить, как выпутаться. После долгой паузы она выдала:

– Ну, можешь спросить у Кейси про Джину Драммонд. Она все расскажет.

– Лучше ты Расскажи мне про ее брата, Ким.

Она задумалась. У меня было такое чувство, что там было что-то такое, что, по ее мнению, я *должен был* знать. И, по-моему, именно тогда я понял, что тоже ей нравлюсь... хоть немного. Вспомнил, как она предостерегала меня насчет Кейси в кафешке, где мы пили кока-колу. Но верность другому, что бы иные люди на этот счет не говорили, не так-то просто перебороть.

– Знаешь... нет, лучше не стоит. Это дело Кейси.

– Точно не мое? Ни капельки?

– Ну, так я не сказала.

– И что в итоге? Стоит ли спрашивать ее об этом, Кимберли?

Она помедлила с ответом.

– Может, и стоит. Я не знаю. Зависит от обстоятельств.

– От каких?

– От того, насколько хорошо ты хочешь ее узнать.

– Думаю, чем лучше – тем лучше.

Ким вздохнула, отвела глаза.

– Тогда валяй, спрашивай. Ради бога. Я-то за тебя не могу решить. – Встав, она пошла прочь от меня, к мелководью. Насколько я помнил, это был первый раз, когда она вошла в воду за все лето. Я окликнул ее, предупреждая:

– погоди, не торопись! Околеешь же!

Она обернулась и посмотрела на меня. И промолвила – тихо-тихо:

– Ты тоже смотри не околей.

Глава 11

Случай расспросить о брате Кейси представился два дня спустя.

Думаю, о той ночи я помню все, что только стоило запомнить. Запах свежей скошенной травы на ее лужайке, тепло воздуха, аромат ее волос, приближающийся ко мне, а затем уносящийся ветром через открытые окна, когда мы ехали в машине, ощущение влажной земли подо мной чуть позже – и то, как опять-таки пахла эта земля. Я запомнил долгую пустую тишину, сверчков, крики ночных птиц и жуткое, прерывистое дыхание Кейси – первобытный хриплый свист в сумерках.

Я помню все до мельчайших подробностей, ведь та ночь положила начало всем дальнейшим событиям. Следующим днем настала суббота, а за ней субботняя ночь... и с тех пор суббота для меня – особый черный день. Вы, должно быть, сразу думаете – преувеличивает мужик. Может, вам трудно поверить. Но вас там не было – понимаете? И не вы тащите этот крест на себе до сих пор.

Вас там не было, поймите же наконец.

* * *

Я снова попросил отгул, чему на сей раз мой босс совсем не обрадовался. Я вроде как снова «приболел», но старину Макгрегора на мякине нельзя провести. Он лишь разок увидел Кейси рядом со мной – и, думаю, мигом смекнул, что почем.

Я рисковал работой, но меня это не колыхало.

Мы поехали на Кампобелло⁶, посмотреть на летний домик Рузвельта. Кроме нас приобщиться к истории желающих не нашлось, так что вся опека экскурсовода досталась нам. Стивен, до сих пор носивший повязку на руках, явно еле-еле терпел треп этой жизнерадостной женщины.

– Много шума из ничего, – пробурчал он в сторонку.

И, в общем-то, был прав, как по мне. Дом хороший, большой, но ничего из себя не представляющий за пределами. Леди-гиду он явно больше нравился, чем всем нам вместе взятым. Ну, такая у нее была работа, в конце концов – зря обижать человека тоже не хотелось. Из нас только Стив позволял себе нетерпеливый вид и ершистость – мы слушали экскурсию внимательно и даже изредка кивали.

Однако освободиться от нее стало большим облегчением.

– Боженька, помилуй, – бросил Стив, когда мы все забрались в машину. – И как среди американских туристов не нашлось еще никого с коротким фитилем, кто ее попросту удавил бы или пристрелил? В толк не возьму.

– Американцы все еще верят в силу образования, – заметила Кейси.

– Да в херню они верят, вроде курсов самосовершенствования. Нью-эйдж и прочее говно в том же духе. – Стив сморщился, будто от лимона откусил.

– Ну, истории-то на таких курсах не учат.

По дороге домой мы заехали выпить в бар. Хэнк всегда обслуживал нас – и я уверен, он знал, что мы несовершеннолетние. Но деньги, видать, не пахнут. Если хочешь сохранить бизнес – и не на такое закроешь глаза.

Стоял ранний час, толпа работяг еще не набежала, и мы были почти одни. Стив заправил в музыкальный автомат Джерри Ли Льюиса. Я заказал себе «ерш», Кейси и Стив – по «Крова-

⁶ Канадский остров, расположенный в заливе Фанди, около входа в бухты Пассамакудди и Кобсук, на границе с США.

вой Мэри», утонченная особа Кимберли взяла «Санрайз». Опрокинув по одной, мы заказали еще. И вот тогда-то и начались разногласия.

В тот вечер мы планировали поехать послушать местную группу, которая, как оказалось, понравилась Ким. Мы со Стивом были вполне согласны. Но Кейси не связывала себя обязательствами – оказалось, в Трескотте крутят фильм, который она жуть как хотела посмотреть. В любом случае для меня это ничего не значило, но Стив разозлился на нее.

– Ну конечно, Кейси. Ты у нас первая скрипка – мы все так, на подсосе.

Она помешала лед в «Кровавой Мэри». Выпад нисколько ее не тронул.

– Ну да, так и есть.

– Ты иди в кино, а мы с Ким поедem на концерт.

– Идет.

– А ты куда двинешь, Дэн? С нами или как?

Стив снова показывал на меня пальцем по-адвокатски; пользовался при том забинтованной рукой, и это выглядело довольно забавно, но я не позволил себе над ним потешаться. Я ведь не мудака.

– Я пойду в кино с Кейси.

– Ну, как знаешь.

Было видно, что он был готов уйти в одну из своих десятиминутных обид. У него еще оставалась недопитой половина стакана, но он встал со стула.

– Ты сядь, Стивен, – сказала ему Кимберли. – Завтра вечером соберемcя все вместе и сгоняем куда-нибудь. Расслабься.

Было ясно, что уступать просто так он не хотел. Его так и подмывало всех нас вовлечь в склоку – пусть даже и напоказ. Самые банальные, глупые инстинкты соперничества и самоутверждения играли в нем, но сиюминутно – ведь к завтрашнему дню он реально спишет все со счетов, так уже бывало. В таких волевых стычках с Кейси он все равно никогда не выигрывал – неясным оставалось, зачем вообще играл.

Итак, он сел, осушил стакан... и затем – все равно ушел, не сказав ни слова и не улыбувшись никому из нас. Я повернулся к Кимберли:

– Ты что, спустишь ему это с рук? Может, с нами двинешь?

– Нет, все нормально. Он спустит пар. А я все еще хочу на концерт.

Кейси ждали домой к ужину, так что я поел в одиночестве в харчевне. Мне подали что-то очень резиновое – и это у них хватало наглости обзывать стейком, – а потом поехал к ней домой и стал ждать. Не хотелось заходить внутрь без крайней необходимости. В те несколько раз, когда я это делал, мать Кейси чувствовала себя очень неловко. Я нутром чуял, что во мне она видит неотесанный провинциальный сброд. Вечно на нервах, с мышинными лицом и повадками, эта женщина, честь по чести, мне совсем не нравилась. Внешность Кейси унаследовала от своего отца. От человека, из-за которого уже я ощущал себя не в своей тарелке.

Всяко стоило выяснить, почему.

На улице было так тихо, что можно было почти почувствовать, как сумерки вокруг тебя превращаются в сумрак, словно опускается пелена тумана. Я услышал стрекотание сверчков, как кто-то уронил кастрюлю несколькими домами ниже; где-то в дальнем конце квартала кричали дети, играя в какую-то игру, и голос матери звал одного из них домой на ужин.

Кейси опаздывала.

Вскоре в ее доме все вдруг заговорили на повышенных тонах. Иллюзий по поводу теплых отношений в этой семье я не питал, но в то же время и за ссорами их никогда не заставлял. На часах было десять минут восьмого; киносеанс начинали ровно в восемь. Нам потребовалось бы полчаса, чтобы доехать до Трескотта. Что ж – придется поддать газу, но пока времечко есть.

Я ждал. Мне это было не в тягость. Даже поймать какую-нибудь радиоволну не тянуло. Мне всегда нравилась пора вечерней тишины в Дэд-Ривер. Пожалуй, единственный сугубо

эстетический опыт, который мог предложить город, – своего рода мягкое *охлаждение духа*, приходящее вместе с охлаждением земли. Ночи лета почти что искупали здешние периоды черноты в зимнюю пору, когда всем только и оставалось, что запираяться в четырех стенах из-за лютых морозов. Можно было почти почувствовать, как одна за другой загораются в небе звезды – даже не видя их самих.

Я сполз на сиденье пониже и, кажется, задремал.

Меня разбудила хлопнувшая – так громко, что я вздрогнул, – дверь.

Перед домом Кейси не горел свет, поэтому сначала было трудно разглядеть ее лицо, когда она шла к машине, но по чему-то в ее походке, по тому, как она двигалась, я понял, что она очень расстроена. Ее движения всегда были такими контролируруемыми и уверенными – рожденные тренированными и от природы не хилыми мышцами. Но сейчас прослеживалась в них какая-то дерганность, к коей я совершенно не привык. Кейси открыла дверь со стороны пассажира.

– Поехали.

Она прямо-таки бросилась на сиденье. Ее голос казался хриплым, сердитым.

– Что случилось?

– Пожалуйста, просто увези меня отсюда.

– Ты все еще хочешь посмотреть тот фильм?

– Да. Мне начхать. Поехали. Хоть к черту на куличики!

– Кейси, осадил коней.

Сдается мне, она отняла добрых пять лет жизни у двери моей машины. В ушах у меня зазвенело – в унисон с оконным стеклом. Я завел мотор.

– Ну, успокоилась?

Она повернулась ко мне, и что-то екнуло у меня в животе. Эти прекрасные светлые глаза сверкнули на меня. Я никогда раньше не видел, чтобы она... *плакала*. Я потянулся к ней – желая лишь обнять, утешить...

– *Прошу тебя!* – с мольбой в голосе выкрикнула она.

Кейси... *умоляла*. Хотелось ущипнуть себя – проверить, не сплю ли.

Я выполнил ее просьбу – и вырулил на трассу.

Мы ехали без особой цели. Сперва поколесили по городским задворкам, затем – вверх-вниз по главным улицам. И потом снова – прочь, на самые окраины.

Я хотел разговаривать с ней, но она заткнула меня таким болезненным взглядом, что после я продолжал смотреть на дорогу впереди и долго молчал, что, очевидно, было всем, чего она хотела от меня, и всем, что я мог ей дать. Я чувствовал, как ее тело слегка дрожит, и понял, что она плачет. Мысль, что в ее семейке толстосумов, обесцвеченной и стерильной, могло происходить что-то способное пробить Кейси на слезы, вымораживала меня. Мне-то казалось, она вообще не способна плакать. Командирский норов как корова языком слизнула, жесткая аура развеялась – и вот уже рядом со мной обычная девушка, не лучше и не хуже других. И хотя мне в ней нравилась эта почти военная хватка, я понял, что долго уже выжидаю возможности увидеть ее именно такой – без защитных ограждений.

Было приятно осознавать, что я могу помочь ей, просто находясь рядом. Я почувствовал странное утешение. Едва ли я когда-то неподдельно заботился о ком-либо другом больше, чем о ней – тогда. То был очевидный пиковый момент.

Когда мы сворачивали на Нортфилд-авеню, Кейси, громко шмыгая носом, стала утирать слезы – отрывистыми движениями, подушечками пальцев обеих рук. Мы одновременно повернулись друг к другу. Для меня то был всего лишь взгляд, прежде чем мне пришлось снова посмотреть на дорогу; но я еще долго после этого чувствовал, как она пристально смотрит на меня, как-то *оценивая*.

Когда она заговорила, голос был нежным, но я почувствовал, что она снова притворяется, делает вид. Покрывает фальшивой эмоцией истинную, неизвестную. С каждым новым произнесенным словом она свивала вокруг меня холодную сеть, точно паучиха.

- Я хочу вернуться, Дэн.
- Мне везти тебя домой?
- Пожалуйста, да.
- Ладно.

Оказалось, мы не успели отъехать слишком далеко. Я вел машину молча. Когда автомобиль сворачивал к ее улице, я заметил выбоину на дороге – которую ни разу не замечал прежде. Розыбь казалась жутко неуместным явлением на единственной на весь Дэд-Ривер respectable улице.

Я припарковался напротив ее дома и поставил пикап на ручник. Фырча и рокоча, мотор пошел вхолостую. Я положил руку на сиденье и повернулся, чтобы спросить Кейси, не хочет ли она рассказать мне о том, что стряслось, – прежде чем снова ступить под своды этого дома. Мне и правда хотелось знать – не из простого любопытства. Что-то менялось, и менялось *стремительно*. Но я знал, что Кейси меня снова «срежет», твердо и незамедлительно – и от этого желание дознаться не умалось ни капли.

Она открыла дверцу со стороны тротуара.

– Подожди меня здесь.

Дверь затворилась за ней, тихо и осторожно.

Я заглушил машину окончательно и стал наблюдать за ней.

Кейси пересекла улицу и зашагала по выложенной камнем дорожке, которая делила газон надвое и вела к крыльцу; в саду камней, обступавшем крыльцо, с двух сторон были высажены низкие кусты. Они тянулись ввысь, и их симметрия едва ли радовала глаз – скорее уж мозолила. Кейси остановилась перед первой ступенькой и посмотрела налево. Она что-то искала на земле.

Ну, и что теперь?

Что, черт возьми, у нее на уме?

Она сделала несколько шагов влево, неотрывно глядя под ноги. На миг меня посетила дурная мысль, что она там ищет червяков, и мы потом поедем порыбачим – посреди ночи, в темной водице. А потом она наклонилась и подхватила что-то с земли, предварительно взвесив в руке, – и я, похоже, понял, что вот-вот будет.

Ее движения молниеносно преобразились, сделались отточенными: старая недобрая Кейси – во всей красе, всецело в форме. Очевидно, она прекрасно знала, что делает. Отступив на три шага к лужайке, она устояла в левое переднее окно. За стеклом горел торшер. Прикидывая в уме планировку дома, я понял: где-то там – кабинет-мастерская ее отца.

Есть что-то ужасное для меня в звуке бьющегося стекла.

Помню, когда был ребенком, у нас жил кот. Он однажды ночью перебудил нас всех, сбив с кухонного стола дешевую хрустальную вазу. Я вскочил на ноги и бросился на кухню так быстро, что не вполне еще проснулся, когда добрался туда. В итоге мне пришлось зашивать распоротую осколками пятку.

На сей раз – нечто похожее.

Думаю, рука моя дернулась к ключу зажигания сразу после того, как камень врезался в стекло. Думаю, я завел машину и поставил ногу на педаль еще до того, как хруст и звон улетучились из моих ушей. Отчасти это был инстинкт, отчасти – жест самосохранения.

Это она запустила камнем в собственное окно, но я нутром чуял – отвечать за это буду я. В горле пересохло.

– Боже! – заорал я. – Давай скорей!..

И у меня не вышло привлечь ее внимание.

Она все так же решительно чеканила шаг по дорожке, выложенной камнем, а затем – по правой стороне лужайки, и плевать ей на меня хотелось. Я сразу понял, *что* она делает, *куда* направляется. Знал это так же, как степень боли от удара чем-нибудь тяжелым по башке. Кейси было бы невозможно остановить. Попытки лишь усугубят ситуацию. Звук бьющегося стекла был таким громким, что я не удивился бы, загорись во всех окрестных окнах разом свет. Но тишина никуда не девалась, а Кейси знай себе шла через лужайку по щебеночной дорожке к соседнему дому.

Я снова посмотрел на ее дом, потными ладонями тиская руль. Силуэт отца Кейси возник в обрамлении окна. Застыв в профиль, он оглядывал ущерб – битое стекло, которое, как я мог представить, весело подмигивало ему с пола.

Он медленно повернулся к окну, осторожно прижал ладони к подоконнику и выглянул наружу. Посмотрел направо, потом налево, а потом – прямо на меня.

Мне пришлось отвернуться. В его взгляде оказалось слишком много печали, а во мне – слишком много вины.

Снова что-то грохнуло – даже громче, чем в первый раз. Кейси запустила второй камень – в правое переднее окно соседнего дома.

О причинах задумываться было нечего – ее тактика от меня не укрывалась. Вопросов теперь будет много, *очень* много – и на некоторые из них должен будет ответить ее отец.

В доме зашумели. Послышался женский голос, за ним – мужской. Кейси вся выпрямилась, восстанавливая контроль над собой. Клин стекла слетел с верхнего подоконника, как лезвие гильотины, ударился о нижнюю раму, разбился вдребезги. Крик из дома показался мне почти истеричным.

Я смотрел, как она идет обратно к машине – никуда не торопясь.

В тот момент я чуть не дал по газам, бросив ее там. Силуэт ее отца больше не маячил в окне, зато на крыльце вспыхнула лампа. Скоро он будет стоять там. Я высунулся наружу и крикнул:

– Кейси, залезай, черт бы тебя побрал!

Симпатии легко растворяются. Просто добавьте страха и взболтайте.

К тому времени как она вернулась ко мне в салон, я буквально закипал от ярости. И от страха, конечно, тоже. Но у меня осталось достаточно самообладания, чтобы не рвануть во весь опор, сшибая почтовые ящики у обочины по пути прочь. Мы плавно, почти вальяжно отчалили от бровки тротуара.

Не вижу зла, не слышу зла.

И зло меня не слышит...

Мне вдруг захотелось врезать Кейси со всей дури.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.